

Виктор Громов

Пепел революции

Виктор Громов

Пепел революции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57438904

ISBN 9785005137074

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Что послужило ключевым событием Гражданской войны? Какие силы поддерживали стороны? Мистицизм и странные ритуалы имели не меньшее значение, чем ситуация на фронтах.

Содержание

Часть 1. Одесса	15
Глава 1	15
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	58
Глава 7	67
Глава 8	75
Глава 9	84
Глава 10	98
Глава 11	111
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Пепел революции

Виктор Громов

© Виктор Громов, 2020

ISBN 978-5-0051-3707-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор: Шевченко Александр Николаевич.

Псевдоним: Виктор Громов.

Название произведения: Пепел революции.

Объем текста: 14 А.Л.

8-916-991-50-43

От автора:

Гражданская война в нашей стране всегда стояла несколько особняком от остальной истории. Если иные эпохи и события можно условно разложить по полочка: вот «хорошие», а вот «плохие», это «наши», а это «не наши», то здесь такой подход уже не работает. Миллионы русских людей пережили сокрушительную катастрофу, в первую очередь в головах, буквально за несколько дней привычный им мир был разрушен, и то, что вчера еще было немислимым, сегодня стало обыденной практикой. Был разрушен семейный уклад,

братья оказались по разные стороны баррикад. Начались повальные эпидемии, а экономика, и так изрядно ослабленная Отечественной войной, была окончательно разрушена. Первоначальное накопление капитала, и слабое, но устойчивое развитие, было резко и грубо прекращено, и дело вступил знаменитый лозунг «грабь награбленное», который сразу пришелся по вкусу всяким анти-социальным элементам, которые увидели в нем политическую платформу для обогащения и личной власти.

Во всей истории Гражданской войны всегда незримо присутствовал какой-то элемент мистики, какой-то шлейф потусторонних сил. Начиная от зримых признаков какой-то кровавой секты РСДРП, с ее кабалистикой и тайнами (вспомним, что почти все направляющие революцию большевиков вышли из религиозных иудейских семей, что неоднократно отмечали их враги), и белым движением, которое погрязло в масонстве, обожествлении Наполеона и декадансе, который создал культ упадка и Смерти. Это уже не говоря о явной, пробудившейся от векового сна, но никуда не исчезнувшей из крови народа, Пугачевщине, когда внезапно исчезли все рамки и правила. Ведь когда исчезают какие-то ограничители, то внутренние демоны человека сразу вырываются наружу и демонстрируют, насколько он все-таки недалеко ушел от зверя. Не забудем так же резкий всплеск исламского самосознания и всех мусульман, которые после веков позора и поражений вдруг очнулись и поняли, что могут успеш-

но вести джихад против неверных. Именно тогда, как считается, возрождение Ислама в российской Средней Азии дало толчок для развития всего Востока (Турции, арабских стран, Палестины и др.). Так же, не забудем широкое распространение по России эзотерических азиатских учений, которые принесли иностранные добровольцы в Красной армии. Буддизм, шаманизм и прочие аспекты именно с тех пор получили широкое распространение в Западном мире.

Тема Гражданской войны слишком огромна и всеобъемлюща, чтобы попытаться ее всю описать. Даже такие титаны отечественной литературы, как Б. Л. Пастернак, А. Н. Толстой, И. А. Бунин, М. А. Булгаков, М. А. Шолохов и многие другие, не могли этого сделать, а ограничивались одной сюжетной линией, зачастую собственной. Так и я попытался отразить только одну страницу этой трагической книги нашего народа, страницу в эпилоге. Это был конец организованного противостояния условных «красных» с условными «белыми», война в Крыму. Да, Гражданская война этим не закончилась, было еще трагическое Кронштадтское восстание, крестьянская война на Тамбовщине и долгие годы басмачества в пустыне. Но организованное противостояние тех, кто сражался не за царизм, а за иллюзорную несбыточную мечту о возвращении старой размеренной жизни и их противников, которые хотели за идею или корыстных интересов переделать страну по своему разумению, закончилось именно там. В итоге, как впоследствии стало понятно, сломали все

старое, а что дальше делать было не очень понятно, и начались многочисленные дискуссии и конфликты между разными направлениями победителей, которые только усугублялись личными отношениями и партийной борьбой. Как бы сложилась судьба нашей страны, если бы победила линия Бухарина, который со своим «Обогащайтесь!» пытался повернуть к такой модели экономики, которая отдаленно напоминала эпоху застоя? Или одержали победу сторонники Троцкого, для которых Россия была только первым шагом к мировой революции, и если надо будет принести в жертву великой идее десятки миллионов русских, то они пойдут на это не моргнув глазом. Можно долго гадать, «что, если бы...», имеем же мы только то, что случилось в действительности. В итоге, победу одержал Сталин, и страна стала развиваться по его курсу.

Еще один момент, на который я обратил внимание, когда изучал документы и мемуары, относящиеся к этой эпохе. Отражение одних и тех же событий с обеих сторон различалось не только расстановкой акцентов, но и фактами. Например, пишущий воспоминания любой военачальник показывает себя единственным толковым человеком, принимающий только верные решения, в то время как остальные сплошь бездарности, которые каждый раз делают ошибочные шаги. Этот аспект уже давно известен, изучен, и объяснен, ведь каждый человек подсознательно оправдывает себя и уверен в собственной непогрешимости.

Или, разный взгляд на одно и то же событие. Одни пишут «наши героически защищались, враг остервенело лез вперед, оставляя сотни убитых, потом мы героически начали контратаку, и противник, численность которого превышала нашу во много раз, тут же дрогнул и трусливо бежал, бросая своих раненых». Взгляд с другой стороны на то же самое событие: «враг сгрудился на небольшой плацдарме, желая спастись бегством от наших малочисленных сил. Мы метко и сильно обстреливали их, вырывая с каждым выстрелом десятки жизней, когда же они поняли, что бежать некуда, то ринулись в самоубийственную атаку. Мы в правильном порядке перебазировались во фланг, открывая из этой мышеловки путь к ложному спасению». Так и не скажешь, кто одержал победу. Типичный пример – советско-польская война. Нас в школе учили, что Польша загребла под себя практически всю Украину и Беларусь, и угрожала советскому государству, а умелые красные командармы нанесли тяжелое поражение противнику, освободили большую часть территорий и преподали урок белополякам. В польских же школах ситуация отражалась совершенно иначе. Чуть ли не вчера возникшая Польша внезапно подверглась удару со стороны гигантской России, вожди которого несли людоедское учение всему миру. Враг был уже около Варшавы, когда случилось «Чудо на Висле», которое спасло всех поляков, а восточной орде было нанесено сокрушительное поражение. Кто прав в этом случае? Думается, отчасти правы и те, и другие.

Но самое удивительное в другом. Часто фактологически описания различались. Например, одна сторона пишет, что к врагу подошли подкрепления, и соседний городок был занят. Но в мемуарах врага написано, что подкреплений к ним не приходило уже много дней, а городок как был, так и оставался ничейным. Кому верить в этом случае? Вряд ли мы имеем дело с целенаправленной дезинформацией, просто, мемуары писались сильно после этих событий, что-то могло наслоиться, что-то перепутаться, и не будем забывать про желание подчеркнуть свои подвиги и тяготы, конца и края которым не было. Я в данном случае стараюсь придерживаться некой средней линии, которая была равноудалена от версий противников. Конечно, так тоже нельзя делать, но за неимением лучшего и дополнительных источников, приходится прибегать к известным натяжкам.

Как бы там ни было, надеюсь, эта книга пробудит интерес к отечественной истории и откроет читателю некие ранее неизвестные страницы.

Пролог

На гребне высокого холма стоял человек в шинели и смотрел вниз, на железную дорогу, которая тянулась далеко до самого горизонта. Вернее, смотрел он не на саму дорогу, в ней как раз ничего не было интересного, таких дорог в мире тысячи километров, а на поезд, который сейчас стоял на ней. На первый взгляд наблюдателя, приближающего издалека,

в этом поезде не было ничего необычного: несколько вагонов, пассажирские и грузовые, локомотив. Однако, сразу бы начали лезть в голову странности. Почему он остановился в голой степи, где не видно до горизонта ни единого признака цивилизации? Может, у него закончился уголь или впереди был разрушенный участок путей? Сейчас же такое время, такая разруха, что полотно разрушали практически каждый месяц либо те, либо иные. Да нет, вроде, тендер полон, дорога оптимистично серебрится дальше цельной нитью. Если бы путник немного приблизился, то увидел бы еще больше странностей. Грузовые вагоны были распахнуты, повсюду валялись вещи. Виднелись ящики, сломанные коробки, разбитые стекла. На земле, судя по следам, что-то таскали взад-вперед и это что-то весьма тяжелое. Было разбросано женское белье и платья, мужские шляпы и детские сандалии. Подойдя еще ближе, можно увидеть самое грустное. Трупы, много, в основном мужчины среднего и старшего возраста, несколько подростков. Лужи крови, которая и не думала засыхать в этой осенней слякоти, а постепенно впитывалась в подмерзшую землю, будто какой-то подземный гигант питался ею, набираясь сил, стараясь не оставить ни капли на поверхности. Несколько тел свисали из окон, кто-то лежал в глубине вагонов, виднелось что-то под составом. Что-то здесь произошло, какая-то бойня. Если бы наблюдатель обошел кругом эшелон, то с одной стороны, с той, где небо стремительно темнело в и без того тяжелых свинцовых ту-

чах, он бы обнаружил многочисленные следы, который тянулись от мертвого поезда. Однако, не следовало идти по ним. Совсем не следовало. Те, кто осмелился на такое преступление, совсем не будут раздумывать, если за ними придут по их же следам.

Человек в серой шинели видел, что случилось. Сказать по правде, он здесь с самого утра и очутился на месте чисто случайно. Он видел, как остановился поезд, и что после этого последовало. Все чудовищные смерти и то, что произошло дальше. Кошмар длился недолго, не больше получаса. Затем все закончилось, и только ветер завывал в вагонах, еще недавно звеневшим дамским смехом и детским весельем. Им не повезло, это всегда может случиться. Вся жизнь – игра в рулетку, а в сегодняшнее беспокойное время просто повышаются ставки. Ты завтра можешь быть сражен шальной пулей, или обнаружить на улице сумку золота. Время сложное и люди сложные. Нет закона и нет права сильного. Есть чистый случай. Нельзя сказать, чтобы человеку в шинели сильно везло в последнее время. Но он был жив, в то время, когда его вчерашние друзья и спутники или погибли в бою, или умерли от болезней, а кто-то просто пропал. Их не вспоминали, поскольку живые были озабочены своей судьбой, и зачастую люди задумывались: а жил ли действительно такой-то человек? Или, в горячке придумал его себе. Следовало у кого-то спросить, но общие знакомые теперь были кто где, и даже при случайной встрече они старались

не вспомнить исчезнувшего. Каждый пропускал воспоминания через свой разум и впечатления отличались кардинально, будто говорили о разных людях. А может, действительно, никого и не было, а они придумали себе и решили, что он жил? Это было страшнее всего, когда даже родители часто задавались вопросом, а был ли у нас ребенок, если сейчас его с нами нет и его практически не вспоминают?

Человек старался держать свой разум острым и убранным, чтобы не впасть в ловушки своих демонов. Он четко знал, кто он и откуда идет. Что было до этого, и где он жил раньше было вспомнить намного сложнее, но воспоминания еще оставались яркими, как фотографические карточки. Что было еще раньше, до Войны, он почти не помнил. Да и незачем помнить это. Тот мир умер, окончательно и бесповоротно, правда, он сам этого еще не знает, и холодеющими руками цепляется за историю, но его смело и энергично закапывает новая эпоха. Ревущая, сильная и нахальная. Либо ты подстроишься под нее, либо неумолимый ход истории раздавит тебя, как букашку и отбросит на обочину, но если останешься, движение сулит поистине головокружительные перспективы.

Человек на холме еще раз взглянул на поезд. Последние несколько минут он раздумывал над тем, чтобы спуститься и осмотреть вагоны. Возможно, еще что-то осталось ценное, что понадобится ему. Ведь все произошло слишком быстро, а тут целый поезд, вполне могли и что-то пропустить. Од-

нако, поразмыслив, он решил этого не делать. Поднял глаза к небу. Там, в небесной канцелярии, кто-то очень сердился на букашек, копошащихся на земле. Тучи стали еще тяжелее, в любую секунду готовые обрушить миллионы тонн воды или снега на степь. Нет, решил он, слишком мало времени. Сейчас темнеет быстро, а до темноты ему надо найти хоть какое-то убежище, желательнее дом. Должны ведь быть, наконец, где-то деревеньки и хутора! Ну не может же эта степь тянуться на сотни и сотни парсеков вокруг! Или, возможно, он давно ходит по кругу? Ведь в голое поле не за что глазу даже зацепиться! Проклятая степь! Или, пока он спал, злой волшебник перенес его в другой мир, бесконечно большой, где он может идти жизнь и еще столько же и не встретить ни одной живой души. Человек, наконец, отогнал с презрением панические мысли, и, вздохнув, стал спускаться вниз, на противоположную от железной дороги сторону. Там его ждал конь и нехитрый скарб. Конь с недовольным высокомерием фыркнул при виде человека, будто старался передать хоть толику того презрения, которое испытывает благородное животное, которого оставили на целый день под седлом. Человек виновато улыбнулся и пожал плечами. Потом тяжело залез в седло, и шагом повел коня вперед на юг, подальше от того цунами, от той роковой волны, которая гнала людей последние месяцы все дальше и дальше к морю. Волна шла по пятам, человек не планировал оставаться тут на целый день, расстояние до врага сократилось до минимума. Те, кто

движутся следом, завтра или послезавтра уже увидят этот поезд. Ему следует поторопиться, потому, что никто не знает, какие чудовища скрываются во тьме ночи.

Первые капли дождя упали на землю.

Часть 1. Одесса

Глава 1

Ливень, страшный осенний землерез, бушевал в степи. В такую погоду люди загоняли скотину в дом, дикие звери пытались забиться в какую-то нору, даже букашки пытались найти малейшее укрытие, листок или обломок коры, чтобы пережить непогоду. Природа уже ждала снега, но кто-то наверху решил, что океаны грязи внизу именно, что надо. Станционный смотритель, который жил в стороне от железной дороги? в эту ночь точно никого не ждал. Нельзя сказать, что днем у него было полно гостей. Совсем нет. Даже в старые времена, добрые времена, когда поезда регулярно проносились мимо его станции, мало кто сходил на ней, но смотритель держал все хозяйство в порядке. Пути осматривались на всем участке ответственности, платформа ремонтировалась, даже крошечный вокзал, на котором появлялось меньше сотни человек в год, был в таком состоянии, что самый строгий чиновник не нашел бы к чему придраться. А теперь пришли другие времена, когда уже не понятно, чего и ждать.

Домик смотрителя был на склоне оврага, и поэтому, практически не виден со стороны. Вооруженные люди всех мастей ездили туда и обратно, но держались железной доро-

ги и совершенно не горели желанием оставаться на сиротливой станции посреди голой степи. Пару лет назад он ездил в город и слышал страшные слухи, что в Петрограде что-то произошло, и царь отрекся от престола, и теперь будет везде равенство и братство. Смотритель в это не поверил и уехал назад к себе. Как это царь отрекся? Ничего же не поменялось. Так же исправно платится жалование, работает связь с ближайшими станциями, по-прежнему ходят поезда с военными, боеприпасами и продовольствием. Опять, поди, воду мутят, хотят сбить с толку народ!

Летом случился первый тревожный звоночек. Связь с соседями, которая исправно работала многие годы, внезапно пропала. Когда смотритель поехал в город заявить об этом, он будто окунулся в потревоженный улей. Полиции не было, его начальник, уже двадцать лет работающий на своей должности, внезапно уехал в Петроград по каким-то делам, по улицам ходили мрачные люди, которые с недобро смотрели на любую форму. Его заверили, что связь скоро наладят, а ему следует вернуться к себе.

Ближе к осени прозвучал второй звоночек. Исправно поступающее ему жалование, аккуратно выплачиваемое даже в период революции после Кровавого воскресенья, в этот раз задерживалось и надолго. Казалось, что-то в худо-бедно работающей государственной машине начинало давать сбои, что-то сломалось, и чем дальше, тем заметнее это было.

Осенью смотритель заметил новые изменения. С того на-

правления, куда последние три года направлялись бесконечные эшелоны солдат, постепенно потянулись демобилизованные обратно. Что случилось, спрашивал он у тех, кто сходил на его станции, чтобы добраться в родные села. Разве война закончилась? Заключили мир с немцами и австрияками? Ему отвечали уклончиво, и из путаных объяснений он понял, что ничего не кончилось, а солдатам просто надоело воевать, и они возвращаются домой, чтобы делить землю и имущество. А как же офицеры, не понимал смотритель, они тоже уезжают с фронта? Офицеры могут оставаться, если хотят, они все дворяне, у них поместья и деньги, а нам земля нужна. А как делить-то землю, неужели царь-батюшка или Дума выделили простым людям, не унимался старик, в голове которого никак не могли уложиться столько радикальные перемены. Кажется, сами солдаты смутно себе все представляли. Мы созовем, отвечали, совет депутатов, и он решит у кого земли много – у того отобрать, у помещиков каких. Или у биржуинов, которые наших братьев, рабочих, в городах душат, заводы отнять. Солдаты, особенно из глухих деревень, соединили два непонятных, но похожих по смыслу слова «биржа» и «буржуазия» в одно. Сам совет будет управлять заводом, отвечал один, кажется, более подкованный, солдат. И будет продавать товары по справедливым ценам, чтобы хватило всем. Этот солдат, найдя первого благодарного слушателя в лице станционного смотрителя, беззаботно смеялся и удивлялся непониманию старика.

– Отец, ты пойми, будет все по справедливости! Надо тебе ботинки, тебе продают или отдают даром, нужен хлеб – идешь в пекарню, а там не жид какой-то сидит, а выбранный депутат, справедливый и умный. И дает тебе хлеб бесплатно, а ты взамен, управляешь своей станцией. Ты понимаешь, какая жизнь-то начнется, отец! Совсем другая жизнь! Дожил ты, поздравляю!

Когда в следующий раз старик поехал в город, чтобы посмотреть, как там начинается сказочная жизнь, то был весьма удивлен. Пока рай начинался тем, что исчезли практически все товары и все только торговали каким-то старьем и личными вещами. Денег никогда у зрителя не было особо много, но теперь даже на них нельзя было ничего купить. В здании, где раньше была гостиница, сейчас заседал Совет депутатов. Никто не знал, кто и за какие заслуги их выбрал, но придя однажды в зал, зритель с огромным удивлением увидел людей, которых раньше и на пушечный выстрел не подпустили бы решению важных вопросов. Там был мелкий мошенник, который в прошлом году купил себе костюм попа и так ходил по селам собирал деньги. Его поймали бабы и побили.

Еще один, интеллигент, который носился по всему городу с планами вечного двигателя или придуманной формулы, от которой будут идти морковные и капустные дожди, что избавит людей от тяжелого труда. Что такие люди могут решить и почему они заняли приличную гостиницу, курят там,

ругаются и в грязных сапогах ходят по коврам, смотритель решительно не понимал.

Он поехал назад. Теперь в степи стали появляться странные люди, которые скакали в различных направлениях, вооруженные и явно злые. Его станцию разбили, а все мало-мальски ценное, даже дверные ручки, утащили с собой, а что не смогли утащить – разломали. Он пожаловался городовому, тот обещал разобраться, но помощи смотритель так и не дождался. Потом опять что-то случилось в Петрограде, совсем уж непонятное, вроде, Совет сверг Временное правительство или наоборот. Постепенно все вокруг разрушалось. Смотритель испытал настоящий шок, когда внезапно здесь, в глубине Русской державы со стороны фронта, начали ехать германские эшелоны с солдатами! Значит, мы проиграли войну? Немцы не обращали внимание на его станцию, поскольку рядом не было населенных пунктов, а то, что вокзал был давно разграблен только убеждало их во мнении, что здесь все заброшено и останавливаться незачем. Благо, дом, где жил он с собакой, был совершенно не замечен со стороны и, не зная о нем, можно было легко не заметить.

Потом появились какие-то ряженые древними казаками, которые говорили на своем деревенском наречии и выглядели сбежавшими из сумасшедшего дома или цирка. Как понял смотритель, эти циркачи были кем-то вроде слуг немцев, которые тщательно и методично обустроивали свою власть в здешних землях. Потом немцы почему-то уехали

домой, в городе поговаривали, что в Германии тоже случилась революция, и сейчас вчерашние враги, сбросившие ярмо ненавистных императоров, объединятся и нанесут поражение Франции, США и, почему-то, Японии. Что происходило, было совершенно непонятно. Власти и армии менялись по несколько раз за сезон. Появились какие-то красные, говорят это те, кто захватил власть в Петрограде и Москве. Их прогнали какие-то белые, по имени, сторонники монархии и старых порядков, а по виду завсегдагаи гауптвахты, отборные негодяи и подлецы. Появились какие-то зеленые атаманы, которые были натуральными бандитами, но здесь их видели редко. В голой степи нечем поживиться, разве что проходящими поездами, но поезда бандиты трогать опасались.

За прошедшие несколько лет станционный смотритель научился никому не доверять, в каждом видеть врага или потенциального врага, и даже не так давно в городе выменял у какого-то солдата винтовку и несколько патронов. Стрелять он особо не умел, но все-таки оружие внушало ему какое-то спокойствие. В тот момент, когда за окном шел ливень, станционный смотритель сидел за столом и задумчиво жевал хлеб оставшимися зубами. Тем неожиданней в дверь громко постучали.

Глава 2

В дом вошел высокий человек с залысинами в грязной шинели. С виду военный, но знаков отличия не было. Он был настолько промокший, что, казалось, если бы сейчас бросить его в реку, то, не исключено, что стал бы более сухим. Смотритель молча смотрел на гостя, не зная, что сказать. Ружье как назло было далеко.

– Хозяин, -обратился незнакомец к старику хриплым голосом, -пусти переночевать. Я привык спать в поле, но на улице сам видишь какая погода.

Старик нервно сглотнул, заметив кобуру пистолета у гостя и шашку на боку. Что ему сказать? Не откажешь же вооруженному молодому человеку в просьбе при условии, что связь не работает, а до ближайших людей десятки километров. Он кивнул и указал на стул. Вошедший тяжело опустился и не сводя глаз с хозяина произнес:

– Снаружи мой конь. Позаботься о нем. Пожалуйста.

В тусклом свете керосинки сверкнула в воздухе золотая монета, подброшенная незнакомцем.

Смотритель кивнул, оделся и вышел из дома. Вернувшись, он обнаружил гость уже сидит в нижнем белье прислонившись к печке, а его одежда сушится. Незнакомец закрыл глаза, и, казалось, не слышал, что смотритель вернулся. Старик помялся и решил нарушить тяжелую тишину, прерыва-

емую только ревом бури снаружи.

– Садись вечерять, мил-человек.

Гость открыл глаза и посмотрел внимательно, но к столу сел. Хозяин разложил нехитрые запасы и придвинул к гостю.

– Откуда едешь, мил-человек? С севера?

– Да, оттуда. Из Киева.

– Сейчас оттуда все едут. Да только поездами. На север никто не едет. Ты не поездом добрался?

– Нет. От самого Киева верхом. А ты в ближайшее время поездом не жди, они не будут ходить.

– Что?! Почему? Красные перекрыли все дороги, ироды?

– Нет, что ты, -незнакомец ухмыльнулся, подумав о чем-то своем, -они этого точно делать не будут. На пути неподалеку отсюда я видел поезд на путях. Его разграбили, а большинство пассажиров убили. Поэтому, пока власти сменятся, пока разберутся что случилось... В общем, нескоро поезда увидишь.

– Да кто же это сделал?! Бандиты какие?

– Не знаю, – спокойно солгал гость. Не видел.

Смотритель стал судорожно думать, что предпринять. Новости были очень плохие. Красные двигались очень быстро из Киева на юг, может уже и в его уездный город добрались. И что, как он поедет туда, когда не понятно какая власть, старая, новая или вообще никакой?

– У тебя связь с соседними станциями есть? – невзначай спросил гость.

– Откуда там, – думая о своем ответил зритель. Полгода сидим без связи, потом кое-как наладят, через неделю снова тишина.

Гость заметно успокоился и приступил к еде. Зритель же, не избалованный человеческим общением, не собирался сдаваться так скоро.

– Как зовут-то тебя, человеке? Не сердись, не правильно это сидеть не знакомившись. Я, к примеру, Матвей Федорович.

– Евгений Яковлевич. Кильчевский.

– Евгений Яковлевич, уж не в Одессу ли путь держишь?

– Туда, к морю, туда. Откуда догадался?

– А тут других направлений-то и нет. Или на север, в Киев, или на юг. Но на север, - хихикнул старик, - никто сейчас не поедет. Здорово красные белым высыпали?, – старик гнусаво засмеялся, потом опомнился, кто перед ним, и испуганно заерзал, - ты извини меня, Евгений Яковлевич, глупого старика, я не хотел...

– Высыпали хорошо. Сейчас все бегут на юг, стараясь спасти свою шкуру. Скоро будут здесь и скинут всех в море.

– Да что же это такое, Евгений Яковлевич, неужто никогда не закончится эта война? Сначала немцы, потом гетман, потом красные, потом белые, теперь снова красные. А потом что? Турок придет или поляк какой?

– Никто не знает. Все куда-то бегут.

– А ты сам, Евгений Яковлевич, не военный? Прости, что

спрашиваю, но у тебя шинель и шашка. Отбился от своих, чтоля?

– Нет, Матвей Федорович. Не военный. Какая была одежда, такую и одел.

– Ты не здешний, вроде. Из Москвы, поди?

– Нет, я из... не отсюда. Далеко мой дом, да и дома уже нет никакого.

– Не боишься ты, Евгений Яковлевич, что в шинели офицера и с нездешним выговором тебя махновцы поймают? Знаешь, что они с пленными беляками вытворяют?

Гость криво ухмыльнулся, но не ответил.

– А что, бывают в здешних краях махновцы, отец? Далековато-то же от Гуляй-поля.

– А кто их поймет, махновцы это али какие другие бандиты? Бывает, приезжают какие-то. Приедут, посмотрят станцию, остановят для проверки пару поездов и бывай.

Кильчевский почти полностью высох за время неспешного разговора, однако, как заметил наблюдатель, пистолет держал на расстоянии вытянутой руки.

– Как думаешь, Матвей Федорович, до утра закончится дождь? Мне ехать надо, и так столько времени потерял.

– Бог его знает. Я уже снег ждал, а дождь полил окаянный. Ты можешь пожить у меня, пока он не прекратится. Как ты дом-то мой нашел? Если не знать, где он, его никто не может увидеть.

Гость промолчал. Потом потянулся к своему саквоюжу,

порылся там и достал бутылку с мутной жидкостью.

– Спирт. Давай выпьем, отец. Такая ночь на дворе, что никакой черт носа своего не высунет. Можем с тобой сегодня спать спокойно.

– Ты же высунул, -возразил смотритель. И не только высунул, а проделал большой путь и нашел мой дом. А что смог найти один человек, отыщет и другой.

Под спирт пошел уже другой разговор. Евгений Яковлевич рассказывал старику о ситуации в Киеве и Харьков, о ценах там, о дефиците. Смотритель поведал о своей семье, умершей много лет назад жене и дочках, которые еще до войны уехали в Москву. От них последнее время не было вестей, и он очень тревожился.

Постепенно, под старческие причитания и после выпитого, гость задремал прямо за столом. Из самых глубин его разума появились странные сны. Или же это была явь? Видел он, как ищет его какая-то тень, носится по голой степи от одной могилы к другой. Носится и не может найти. Наконец, добралась тень до разбитого поезда, покружила рядом, и полетела в сторону чудовищ. Потом поняла, что взяла неверный след, вернулась назад и начала медленно кружиться вокруг вагонов, то поднимаясь высоко над землей, то проникая в темные вагоны, и шмыгая между колес. Она чувствовала его, чувствовала и не могла найти. То злодеяние, которое случилось с поездом, спутало его след, тень не могла определить направление, оно было едва различимо под тя-

жестью кровь и ужаса убитых людей. Не обращая внимание на ничего не понимающих призраков, удивленно летающих в свою первую ночь после смерти, тень еще немного покружилась вокруг поезда и полетела на восток, где на горизонте уже начинала светлеть нить рассвета. Кильчевский был безмолвным наблюдателем этих метаний тени и, когда наконец она улетела, он почувствовал ни с чем не выразимое облегчение. Его враги не смогли обнаружить эту богом забытую станцию. Ночь и день за ней он в безопасности, а за это время надо уехать как можно дальше. Смерть людей в поезде, лютая и страшная, послужила ему на благо, и он мысленно во сне поблагодарил их, невольно помогающих ему после смерти.

Затем картина сменилась. Он увидел каменные стены, длинные темные проходы, где несмело горели лампочки. В конце самого темного коридора была неприметная дверь, где сидели несколько человек. Было видно, что это очень влиятельные люди, которые занимались непонятным ритуалом. Один из них, лысый и невысокий, бормотал что-то, постоянно поглядывая в потрепанную книгу, другой, в очках и с бородкой, расставлял предметы в нужной последовательности. Второй иногда бросал быстрый взгляд на своего лысого товарища, в котором читались сложные чувства. Высокомерие, потому, что лысый был недоучкой в том деле, которым сейчас они занимались, презрение, потому, что его товарищ испытывал жуткий, смертельный страх, и, конечно,

восхищение. Восхищение потому, что он делал то, что никогда и никто еще не решался. А именно, приносил в жертву целые народы и подчинял навечно их потомков темной силе. А залогом выполнения соглашения был сам лысый коротышка. Человек в очках сам предложил этот вариант, но спрашивая себя в тайне, смог бы он решиться на такое, он не находил ответа.

Наконец, все было готово и можно было начинать. Вдруг один из присутствующих удивленно обернулся в темноту.

– Здесь кто-то есть. Он смотрит.

Лысый подпрыгнул и испуганно поднес керосинку к темному углу.

Здесь было больше нечего делать, и сон унес его дальше. Во сне он знал, что предстоит, он видел это уже много раз и мог выполнить все действия не хуже лысого. Утром, конечно, он не вспомнит ни своего сна, ни знания о том, что видел.

Теперь он был у моря, волнующегося и серого. Море звало его, оно тянулось к нему. Море знало способ, как можно очистить все, что произошло. Все смыть, начать все заново.

Он стоял на набережной и до боли всматривался в горизонт, где едва белел парус небольшой лодки. Лодка манила его, могла спасти его. Только бы не моргнуть, только бы не потерять этот парус между волнами. Он моргнул, и, конечно, парус исчез.

По набережной к нему приближалась невероятной красоты дама. Что она делала тут одна, в шторм, в белоснеж-

ном платье и под зонтом? Дама приблизилась, взяла его руки и с мольбой посмотрела в глаза.

– Ты можешь спасти всех, -шептала она, -еще не все потеряно. Не все. У тебя есть шанс. Ты должен как можно быстрее добраться до моря. Только здесь, милый. Отсюда мы сможем изгнать демонов и начать новую жизнь, светлую и справедливую. Но ты должен торопиться. Ты потерял слишком много времени. Они совсем близко. Ты должен оставить старика, его уже не спасти. Он не проживет и дня, и ты знаешь это. Ты ему не поможешь.

Наконец, у Евгения Яковлевича вернулась способность произносить звуки.

– Кто ты? -прошептал он. Казалось, в шуме ветра его слова тонут, как лодка в бушующем море.

– Ты знаешь. Ты должен бросить старика. Иначе, ты погибнешь вместе с ним. Судьбу не изменить.

– Что я могу изменить? Я один и у меня ничего нет.

– У тебя есть ты. Ты сможешь победить. Только поторопись, любимый, умоляю.

– Кто ты? -ошарашенно сипел мужчина, -я даже не знаю твоего имени.

Дама печально улыбнулась.

– Конечно, не знаешь, мы же никогда не встречались. Наша встреча еще впереди, смотри, не упusti свой шанс. Не упusti меня и свое спасение.

Евгений Яковлевич дернулся и проснулся. Он лежал

на печи, куда его заботливо уложил смотритель. Сам же старик храпел внизу, растянувшись на лавке. За окном еще стояла мгла, но дождь, судя по звуку, шел уже не такой сильный. Первый делом он проверил пистолет, на месте, и еще одну вещичку, маленькую, но наиболее важную среду его скарба. Она так же никуда не делась. Оставшуюся часть ночи можно спать спокойно, и против людей, и против чего-то более страшного у него была защита, а завтра... Завтра будет видно.

Он не помнил уже свои сны, но осталось четкое чувство, но надо спешить на юг. Там, в Одессе, его ждут ответы. Кильчевский перевернулся на другой бок и через минуту уже храпел. Ему снился уже другой сон, чистый и светлый. Снилось прошлая жизнь, размеренная и спокойная, где он, семейный человек, имел свое место и знал, ради кого и чего живет. Где-то глубоко в подсознании во сне он надеялся, что это была действительно его прошлая жизнь, а не ложные воспоминания, сотканные разумом из обрывков историй, когда-то виденных фильмов и картин. Ни подтверждения, ни опровержения этих воспоминаний он не мог найти, потому, что той жизни давно не было и свидетели исчезли. Теперь он живет только настоящим, своей борьбой и своим путем. Сейчас ему следует хорошо отдохнуть. Никто не знает, что его ждет завтра, а в Одессе, вполне возможно, ситуация будет не так радужно, как он надеялся. Там его ждет новый раунд борьбы, с новыми врагами, но это будет только в будущем, а пока,

в этот краткий миг он счастлив, потому, что в полной безопасности. Еще несколько часов, и без разницы, будет ли идти дождь или нет, он сядет на коня и двинется дальше вдоль железной дороги. А старик... А что старик? Он уже свое пожил. Дочки его, если были живы, то безразличны к его судьбе. А если их уже нет, то он скоро воссоединиться со своей семьей в том мире. А что со смертью еще ничего не заканчивается, Евгений Яковлевич знал твердо.

Глава 3

На следующий день уже после обеда он, наконец, встретил первый пост белых. Это был чисто символический отряд, вся польза от которого была в том, что он создавал видимость присутствия власти на дальних подступах к Одессе. Да их поставили только для проверки документов, и чтобы в случае подхода красных они своим бегством информировали штаб, что враг совсем рядом. Офицер в какой-то грязной шинели, выглядевший как-то уж совсем жалко, бросил взгляд на документы, дежурно спросил о цели следования и, даже не дожидаясь ответа, махнул рукой. Да и чего дожидаться, таких, как он скопилось уже несколько десятков человек, телеги, повозки, несколько автомобилей. Все пытались спастись от красной угрозы в последнем крупном городе, который признавал ценности старой власти. Кильчевский пустил шагом коня и начал оглядывать беженцев. Здесь были в основном мелкие торговцы из местечек, евреи и интеллигенция из украинских городов. Тут и там, слышались женские причитания или негромкий детский плач. Вся эта публика неодобрительно провожала его глазами, будто молча спрашивала: почему ты не сражаешься с большевиками, а бежишь в тыл, обгоняя нас? Кильчевскому было плевать на эти взгляды, важнее было добраться как можно скорее в город.

В Одессу он въехал уже в сумерках. Денег у Кильчевскому почти не было, поэтому он тут же сменял своего коня первому попавшемуся молдаванину на пачку керенок и отправился искать жилье. Как он и предполагал, с этим было совсем туго. Город был заполнен беженцами, людьми самых разных социальных слоев и происхождения. Было очень много офицеров, которые находились в разной степени алкогольного опьянения. Многие из них шли куда-то в темноту с девицами сомнительного вида, громко и вульгарно смеявшимися.

Наконец, в одном из переулков он снял комнатку, маленькую, но отдельную, что пробило невосполнимую брешь в его бюджете. Тревоги последних дней совсем его вымотали, поэтому, как только Кильчевский не раздеваясь рухнул на скрипучую кровать, тут же закрыл глаза и заснул. Спал он крепко и без сновидений, сказывались усталость и переживания последних дней, безумная гонка наперегонки с явной опасностью и той, которую нельзя увидеть. К тому же, он, наконец, достиг места назначения, и сегодня ночью ему ничего не грозит. Красные, наверное, сбавили темп, давая возможность отяготить дополнительно белые власти толпами беженцев. Спать.

Проснулся Кильчевский на удивление отдохнувшим и свежим. Первые мгновения он лежал и пытался понять, где находится. Незнакомая комната, практически полное отсутствие мебели. Потом мысли пришли в некоторое согласие друг с другом, и он вспомнил, что теперь в Одессе и что-то

требуется делать дальше.

Ехал Кильчевский на просто так. Он знал, что здесь в комендатуре работает его старый приятель, Спиридон Дмитриевич Шемаков. Даже больше, чем приятель. Когда-то давным-давно, в прошлой жизни, Шемаков был его подчиненным. Формальным, на самом деле, они представляли отличный тандем. Но пришла война по стечению обстоятельств их пути разошлись. Вспомнит ли Спиридон Дмитриевич своего старого начальника? Как отнесется? Никто не мог сказать, поэтому, следовало попробовать. Кильчевский подошел к небольшому зеркальцу над умывальником, и неодобрительно посмотрел на себя. В отчет на него так же хмуро ответил заросший щетиной бледный человек с мешками под глазами. Глаза лихорадочно блестели. Не подхватить бы тиф, подумал он. Только этого как раз не хватало. Потом поставил саквояж на стол, открыл и с грустью осмотрел содержимое.

На первый взгляд внутри находилась небольшая химическая лаборатория или аварийный запас аптеки. Многочисленные коробочки, склянки, небольшие баночки с надписями по-латыни, наполовину пустая бутылка, какие-то вещи, замотанные в тряпочки. Содержимое саквояжа последнее время изрядно уменьшилось, однако продолжало стоить немалых денег. Подумав немного, Евгений Яковлевич достал коробку из-под кофе, открыл ее и высыпал на стол щепотку белого порошка. Это было его любимое и относительно безопасное снадобье. К тому же, самое социальное, а так как

ему предстояло окунуться в общество, ничто не могло подойти лучше. Снадобья оставалось все меньше, а пополнить его в ближайшее время не было никакой возможности. Кильчевский разделил щепотку на две короткие полосы и втянул порошок носом. Как только почувствовал привычное онемение и радостную легкость бытия, он сложил все обратно в саквояж, убрал его подальше под кровать, поправил кобур на поясе и вышел из комнаты.

Город, показавшийся ему вечером грязным, разрушающимся и неприветливым, при свете дня оказался еще хуже. Власти города, если еще имелись, то, наверное, больше старались украсть имущества или переправить контрабанду по ночам в Румынию, чем заниматься своими непосредственными делами. Кильчевский прошел по каким-то улицам, потом пересек небольшую площадь и, окончательно заблудившись, спросил у прохожего путь. Шагая дальше, он обратил внимание, что в городе довольно много рабочих, и смотрят они на беженцев и офицеров с плохо скрываемой злобой. Все улицы были заплеваны семечками, а мусор, кажется, не вывозился со времен эвакуации отсюда французов.

Наконец он дошел до здания комендатуры, где с большим трудом отыскал нужного человека среди многочисленных невнятных интендантских и штабных структур. Они крепко обнялись с Шемаковым, и после символических воспоминаний о прошлом, перешли к делу.

– Смутные времена наступили, Евгений Яковлевич, смут-

ные. Здесь все на чемоданах сидят. Не сегодня-завтра придут красные и перевешают офицерье на столбах. Если успеют. А если нет, то местные рабочие начнут резню, да такую, то все, что наши делали на Украине и на Дону, покажется дамским променадом.

– Неужели, все так плохо?, -поразился собеседник. Я видел в городе сотни военных, а французы, как я слышал, оставили в прошлом году огромные запасы вооружений и снарядов. Можно ведь обороняться долго, а там, глядь, и поменяется погода.

Шемаков невесело улыбнулся.

– Ты, батенька, что раньше, что сейчас рассуждает как младенец. Ты думаешь, здесь на складах что-то осталось? По документам да, склады полны. Я недавно решил провести ревизию одного места, где должны быть сотни винтовок и много пулеметов. И что бы ты думал? Такого адреса не существует! Там дом какой-то дряхлой старухи. То есть, по документам существует целый склад, где хранится настоящий арсенал, а этого ничего нет.

– Куда же оно подевалось? Может ошибка закралась?

– Нет никакой ошибки. Местные ворюги давно разворовали все, думаю, сразу же, после передачи французами. И я очень надеюсь, что эти идиоты додумались хотя бы не продавать оружие красным. Если бы у меня было чуть больше времени, лично стал бы расстреливать подлецов.

– А начальство? А контрразведка? Они куда смотрят?

– Начальство, -фыркнул Шемаков. Начальство все играет в большую политику, думая, что англичане или французы нам помогут. Пытаются возродить в людях патриотизм и любовь к монархии, забывая, что они же втянули нас в эту проклятую германскую войну, а потом сами же и свергли царя-батюшку. А контрразведка совсем разложилась. Они пользуются тем, что никому нельзя вмешиваться в их дела и воруют уже в открытую. Представь, еще история. Позавчера задержал одного контрразведчика, который предъявил в одном ювелирном магазине фальшивый приказ о реквизиции всего товара. Не знаю, сам ли он это задумал или вся их структура перешла на криминальные дела, но в тот же день ко мне примчался посыльный от главного контрразведчика с приказом отпустить задержанного. Ну, я сказал, что его будут судить за мародерство, а следующий, кого пришлют ко мне с такими наглыми требованиями, получит пулю, а его пославший – обвинение в измене.

Шемаков сплюнул на пол. Повисло молчание. Его можно было понять, он весьма неглупый человек и понимал, что рано или поздно все должно закончиться и, наверняка, стелил себе где-то соломку. Но пока всеми силами он честно выполнял свою работу, и в этом безумии и хаосе пытался наладить хоть какое-то полезное дело.

– Ладно, что я, да я лозунги даю. Рассказывай, ты-то как? Какими делами в Одессе?

– Я как и все, -пожал плечами Кильчевский. Когда толь-

ко фронт остановился, я понял, что все кончено. Пока белые продвигались с азартом, без остановочно, можно было на что-то надеяться. Но когда наступление забуксовало, солдаты вдруг осознали, что врагов в разы больше, и от страха перед этой мыслью бежали изо всех ног назад.

– А почему не на Дон или Кубань?, -не сводя глаз со старого друга спросил Шемаков. Одесса падет гораздо быстрее и ты прекрасно понимаешь это.

– Не буду скрывать. Я знал, что ты здесь.

Шемаков грустно улыбнулся.

– Можно подумать, кто-то сомневался. И что ты хочешь?

– Хочу пока побыть тут некоторое время, пока... Пока все тут будут. А потом посмотрим.

– Чем я могу тебе помочь?

– Документы. Какие ты можешь мне сделать?

– Любые, кроме военных высших званий. Тут, извини, у меня не настолько большие полномочия. Хотя, если надо, могу сделать тебя полковником. Полков у нас много.

– Много полков?, -удивленно поднял глаза Евгений Яковлевич. А почему же они все не на фронте?

– Потому, что полки эти существуют только на бумаге и насчитывают пять-шесть канцелярских крыс штабистов. Который первый и последний раз держали оружие лет двадцать назад, во время присяги.

– А снабжение и жалование выдается, как на целый полк?, -криво ухмыльнулся Кильчевский.

– Ты начинаешь понимать основы здешней жизни, -открыто и по-доброму улыбнулся его старый друг. Все правильно, кому-то из генерального штаба это выгодно. Это параллельная мне структура и повлиять на это явное воровство мне не под силу. Полки регулярно распускают, расформировываются и собираются снова, уже под другими номерами. Вся документация теряется, сжигается и концов, в общем, не найти. Так что, может, хочешь стать представителем конмендатуры при таможне?

– Что, есть даже такая должность?

– Есть, я ее только что придумал. Сейчас оформлю все документы и назначу тебя своим заместителем. А меня многие знают и мои крутые меры. Сейчас... Какие данные вписывать? Настоящие?

– Ну да, пиши настоящие. Кильчевский Евгений Яковлевич.

– Так... Какая тут самая грозная печать... Вот, эта красная... Готово! Поздравляю тебя, теперь ты на государственной службе. Жалование небольшое, может даже, когда-нибудь его и получишь.

Мужчины улыбнулись.

– Тебе деньги нужны? У меня тут есть немного.

– Да, если можно.

– Держи. Ты что вечером делаешь? Не хочешь прогуляться в кино? Я хочу тебя кое с кем познакомить.

– Какая интрига. Вроде, пока ничего не планировал. Хочу

город осмотреть, особенно порт. На всякий случай.

– Договорились. Приходи к семи сюда, я тебя заберу и прокатимся. Да, еще, – Шемаков помялся. Ты лучше не показывай лишний раз свой маузер, он выглядит слишком... как сказать... по-революционному.

– Извини, ты прав, -Евгений Яковлевич поднялся и немного сместил назад кобуру. Ну, до вечера.

Глава 4

Выйдя из здания, он обнаружил, что за время беседы улицы Одессы укутал первый снег, нежный и трогательный, и немного припорошил ту грязь и мусор, которые так бросались в глаза. Теперь будто снова город вернулся в те невинные годы, когда жизнь была хороша, и все были твердо уверены, что завтрашний день будет точно не хуже сегодняшнего. Кильчевский бродил по городу, пока не очутился рядом с неприметным входом в ресторан. До вечера было еще много времени, в свою пустую комнату идти не хотелось, поэтому он решил согреться внутри. Рестораном это заведение можно было назвать с большой натяжкой. Скорее, это был кабаk с претензией на искусство, однако, надо быть честным, мебель оказалась довольно добротной, а зал обслуживали два официанта. В углу же стоял рояль, за которым легко наигрывал веселые мелодии худой молодой человек.

Кильчевский сел в темном углу, спиной к стене и попросил принести себе жаркое и водку. В ожидании заказа он осматривал посетителей. В основном, это были младшие офицеры, пьяные или на пути к этому. Сидела небольшая группа купцов, которые обсуждали свои дела. Напротив, через зал сидели, кажется, контрабандисты, мрачные и недобро поглядывающие на публику. Несколько человек еще крайне сомнительного вида разбавляли эту и так

не слишком приветливую компанию.

Принесли заказ, и поскольку Шемаков, снабдил определенной суммой, можно было насладиться вкусом умело приготовленного блюда. Кильчевский успел осушить уже пару рюмок, когда заметил еще одного персонажа, который будто сливался со стенами, да так ловко, что сконцентрировать на нем снятие стоило больших усилий. Стоило только сфокусировать на нем взгляд, тотчас внимание, будто наильно, перемещалось на какую-то другую вещь. Сперва, Кильчевский списал все на усталость и водку, которая была неизвестно какого качества. Потом он еще несколько раз посмотрел в ту сторону, силой воли удерживая внимание. Да, там сидел человек и, с довольно скучающим видом, смотрел на музыканта. Интересно, подумал Кильчевский, это случайно сейчас так получается или человек имеет такую способность быть незаметным? Если второе, то он наверняка шпион. Ведь любой шпион тратит колоссальное количество сил и времени для того, чтобы стать незаметным и совершенно незапоминающимся. Но такое, скорее всего, существует только в приключенческих романах. Теперешние шпионы являются больше бюрократами, которые измеряют свою эффективность количеством бумаг и документов, чем реальными успехами. Незаметный человек тяжело вздохнул, перевел взгляд на Кильчевского и задорно ему подмигнул. От неожиданности тот чуть не подавился куском мяса и быстро опустил глаза на стол. Не хватало, чтобы какой-то мужичок на-

веселе попытался завязать разговор, который через полчаса под водку перейдет в признания в дружбе и верности. Краем глаза он увидел, что неприметный мужчина встал, потянулся и улыбаясь направился к его столику.

– Разрешите?, -тихим голосом спросил незнакомец.

– Не разрешаю, -не поворачивая головы бросил Кильчевский.

– Спасибо!, -радостно ответил человек и плюхнулся на стул.

– Я не расположен к беседам о судьбе России и большевиках, -не смотря на соседа так же зло выплюнул Кильчевский. Здесь полно свободных мест и людей, у которых есть план, как обустроить Россию.

– Мне ваше лицо показалось симпатичным, не то, что хари здешних мелких бандитов. Сразу видно, что вы человек большой. Позвольте представиться, Иван Викторович Беляев, беженец, как и вы.

Кильчевский с надеждой обернулся на зал, в поисках свободного столика, но его ждало разочарование. Везде было полно тихо выпивающих личностей, которые явно стремились пообщаться. Тяжело вздохнув, от все-таки повернулся к гостю. Тот уже дал знак официанту повторить заказ, что и у него.

– Евгений Яковлевич. Чем обязан, Иван Викторович? Да, я беженец, но как вы поняли?

Тот хохотнул

– А чего тут понимать? Почти все военные в Одессе недавно, а вы явно не знаете этого заведения. Отчего, вряд ли ошибусь, если скажу, что приехали не раньше трех дней назад.

– Вы правы. Скажите сразу, как вас... Иван Викторович, вы из контрразведки? Если да, позвольте мне связаться с комендатурой, там вам объяснят, что я не красный шпион.

Тот поперхнулся от удивления.

– Вы считаете, что я из разведки? Отчего же? Нет, совсем нет. Я работаю в службе, которая обеспечивает связь с нашими французскими и английскими друзьями. И их материальную, и финансовую помощь мы тоже контролируем.

– Интересная работа, и прибыльная поди. Так чего вы хотите?

– Просто хотел пообщаться. Мы подбираем офицеров, которые еще не разложены гниением коррупции и хотят послужить на благо Отечества.

– Я не офицер, и вы прекрасно сами это знаете. А служить на благо Родины, извините, предпочитаю в одиночку.

Кильчевский посмотрел на часы. До встречи оставалось еще бездна времени и уйти, чтобы скоротать его за прогулкой, не получится.

– Вы не понимаете, -горячо затараторил изрядно поддавший уже собеседник. Ничего не надо делать, просто выполнять приказы. Французы совершенно не разбираются в наших обстоятельствах! Они не могут понять, почему должны помогать нам, если мы свергли царя и вышли из войны,

а не большевикам, которые хоть как, но формально боролись с немцами. Французы помогают нам только потому, что мы можем обеспечивать возврат кредитов, которые Россия взяла на германскую войну и гарантируем право собственности. Будь большевики чуточку умнее, они формально бы тоже это гарантировали и тогда бы нам точно пришел конец.

– А сейчас нам не конец? Часть наших войск откатывается сюда, часть на Кубань. Удержать Крым шансов нет. Извините, Иван Викторович, все это очень интересно, но меня не интересует политика.

– А ваше благосостояние?, -заглядывая в глаза тихо прошептал тот. Уверяю вас, ничего делать не надо, просто выполнять поручения. Представьте, сколько можно выручить денег, если прибывающее вооружение не отправлять на фронт, а сразу же отправлять в Турцию? Они сейчас очень нуждаются в поставках, и готовы платить любые деньги. Грекам и так все помогают, а турки воюют какими-то музейными мушкетами. Платят чистым золотом, учтите.

– Как вас там, черт, снова забыл. Не важно. Даже если вы не из контрразведки, в чем я сильно сомневаюсь, вы не боитесь, что сейчас я вас туда отправлю? Когда наши полки пытаются сдержать орды большевиков, вы тут предлагаете мне предательство? Да вас расстрелять мало!

Тот обиженно отодвинулся.

– Как знаете, Евгений Яковлевич. Не всем предлагается такой шанс, разбогатеть на ровном месте, а вы так враждеб-

ны. Не хорошо.

– Проваливайте, -смотря на часы ответил Евгений Яковлевич. Пока я прямо здесь лично вас не пристрелил, как предателя.

Тот фыркнул и уже собирался встать, как вдруг совершенно холодным голосом произнес:

– А может, в Москву вернетесь, а? Вы бы знали, как там по вас скучают.

Кильчевского на миг парализовало и где-то в груди сердце рухнуло вниз.

– Простите. Не понял.

– Прекращай строить из себя благородную институтку. Прекрасно ты все понял.

Беляев будто сбросил маску глуповатого и жадного мошенника, выпрямился и будто стал выше. Его тень теперь занимала, казалось, половину зала.

– Кто вы?, -до сих пор отказываясь поверить в очевидное сипло спросил Кильчевский.

– Я? Просто человек. Гонец, если угодно. Который приглашает тебя по-хорошему поехать в Москву.

Где-то под желудком образовалась огромная тяжесть.

– Я... я не могу вернуться. Мне нельзя. Вы не сможете меня поймать, я на территории белых.

– Не сможем поймать? Да вот сейчас, в этот самый момент ты и пойман. Тебя еще не везут связанным только в память о былых заслугах.

– Как вы меня нашли? Никто не знал, где я.

Беляев разочарованно вздохнул и промолчал.

– Кильчевский, ты понимаешь, что сейчас происходит? Тебя просят вернуться. Просят. Ты только подумай. Никого даже не заставляют, они сами кончают с собой, избежав более сурового наказания. А тебя приглашают назад и гарантируют беспристрастное рассмотрение твоих грехов. Любят тебя, чертяку неугомонного.

– Вот прямо сейчас под столом мой маузер смотрит тебе в живот. Смогут твои начальники уберечь от пули в упор.

– Хм. И чего тебя так ценят? Обычный глуповатый выскочка, которому пока везло. Ну, выстрелишь ты в меня, что изменится? Только обозлишь сам знаешь кого.

– Я не вернусь.

– Да беги ты хоть в Аргентину, думаешь, будет прок? Это только вопрос времени. Сам вернешься, по своей воле.

– Вот интересно, господин, то есть, товарищ Беляев. Ты из ЧК? Как там Феликс Эдмундович поживает? Или не знаком лично с ним? Ааа, по глазам вижу, не знаком. Не достоин ты пока, Беляев.

Кильчевский мог поклясться, что даже в сумраке полутемного зала он заметил, как в глубине глаз собеседника полыхнуло пламя.

– Так вот, -продолжил он, -ты мелкая сошка, расходный материал, который хочет сделать карьеру на поимке беглеца. Я-то думал в первый момент, что за мной прислали серьез-

ного агента. Который осведомлен о самых страшных тайнах. Нет, действительно ценных они берегут. Держу пари, тебе поставили жесткое условие: если причинишь мне малейший вред, вернешься туда, откуда пришел. А там ох как не сахар, братец.

– Ты-то откуда знаешь?, -огрызнулся погрустневший Бе-
ляев. Можно подумать, ты там был.

– Нет, я конечно там не бывал. Но люди рассказыва-
ли, -все более широко улыбаясь разошелся Кильчевский.
Врут, наверное. Люди всякое брешут.

– Ну что будем делать, друг ситцевый, -попытался пере-
хватить инициативу Беляев. Ты же можешь ночью исчезнуть
из своей комнатки. Просто исчезнуть. Ты хочешь этого?

– Ты, мразь, -резко бросил ему Кильчевский. Ты ведешь
себя, как босяк, который пытается испугать матерого вора.
Ты жалок. Вы на полпути в Одессу не смогли меня поймать,
а тут у вас совсем нет сил. Я вообще удивлен, что ваши здесь
оказались, какой-то досадный прокол белых. Но не волнуй-
ся, сукин сын, -продолжал улыбаясь говорить Кильчевский.
У здешней публики достаточно сил, чтобы защищаться еще
долгое время. А теперь, если хочешь еще немного пожить,
пшел вон отсюда.

– Сотрудничать, значит, не желаете, господин Кильчев-
ский. Жаль, очень жаль. У начальства были такие планы
на ваш счет.

– Пшел вон. Повторять не буду. Через десять секунд будет

у тебя пуля в брюхе.

– А давай сыграем спектакль, -неожиданно предложил Беляев. А то сидят тут все такие спокойные, будто не придет скоро свобода, равенство и братство и кумачовые флаги.

– Чего? Какой спектакль?, -недоверчиво нахмурился Кильчевский.

Тот подмигнул ему и громовым голосом, будто через громкоговорители со всех сторон, раздалось:

– Никому не с места! В городе красные! Выходи по одному!

И бросил за рояль небольшой предмет. Раздался взрыв, от которого и музыкальный инструмент, и музыкант за ним были отброшены в зал. Кильчевский упал, стараясь не выпустить маузер из рук, но был изрядно оглушен взрывной волной, которая металась в закрытом помещении. Он старался найти глазами Беляева, чтобы всадить тому напоследок несколько пуль в его самоуверенную рожу, но того нигде не было. Рядом с ним упала рука несчастного музыканта, которому просто не повезло оказаться не в то время, не в том месте. В зале уже была паника: было много раненых и убитых, кто-то стрелял куда попало, свет, и так несильный, окончательно погас, крики, стоны. В полной темноте, образовавшейся в ресторане, Кильчевский пытался нащупать путь на улицу и упрямо полз на четвереньках куда-то. Вдруг, чьи-то холодные руки крепко схватили сзади его шею, а ушей достиг шепот человека, который склонился почти

вплотную:

– Ну что ж Вы так, Евгений Яковлевич. Больше никто не будет делать такого предложения. Теперь берегитесь по-настоящему.

Руки, державшие шею, исчезли, и Кильчевский мгновенно извернулся, упал на спину и послал два выстрела в ту сторону, где, как ему казалось, был говоривший. Попал он только в официанта, который приносил ему заказ. Несчастный мужчина почти дошел в темноте до спасительной двери, как выстрелы снесли ему полголовы и разворотили грудь. Чертыхнувшись, Кильчевский все-таки сориентировался в свете выстрелов, дополз до дверей и вывалился в сырой и холодный одесский вечер.

Глава 5

Пребывание в темном закрытом помещении и беседа с неожиданным человеком изрядно обманули чувство времени. На улице было уже темно, и это только усиливалось тем, что не работали практически нигде фонари. Только в окнах кое-где мерцал слабый огонек, да в конце улицы виднелся кинотеатр. Куда идти? Город он не знал, а найти в темноте комендатуру практически было невозможно. Кильчевский пошел сначала в одну сторону, потом понял, что ошибся с направлением, развернулся и пошел в другую. Почти сразу заблудился, и пришлось спрашивать дорогу у офицеров, которые едва держались на ногах от количества выпитого спирта. Те посмотрели с угрозой на незнакомца, который спрашивал комендатуру и, вероятно, хотел привлечь их к ответственности за несоблюдение дисциплины, но направление ему указали. Пропетляв еще в десяток кварталов, он все-таки вышел на знакомую площадь. Там уже стоял крытый автомобиль, возле которого курили два человека. Один из которых, без сомнения, его приятель Шемаков, а второй был не знаком. На всякий случай Кильчевский сжал в кармане пистолет и направился к ним.

– Евгений Яковлевич! Опоздываешь! Уже полчаса тебя ждем!, -воскликнул Шемаков. Потом присмотрелся и произнес тихо, -ты подрался с кем-то? Что случилось?

– Да так, ничего. Вы взрывы и выстрелы тут не слышали?

– Вот тебе на. И суток еще нет, как ты в Одессе, а уже взрывы. Нет, вроде не было. А что? Бежать надо из города?

– Да нет. Просто, шутник один решил порезвиться, -Кильчевский несколько раз сглотнул слюну, -а вылилось это в перестрелку и несколько трупов.

– Тебя ищут? Будут проблемы?

– Не думаю. Все произошло очень быстро, потом паника, погас свет. А посетители изрядно были пьяны.

– Милый Евгений Яковлевич, прошу тебя. Не влезай в конфликты! Тут очень много непонятого сброда, опасного сброда. Договорились?

– Договорились.

– Тут, кстати, я тебе документы подготовил. Ты теперь официальный сотрудник комендатуры! Поздравляю! Документы офицера я тебе пока делать не буду. Это и опасно, и тебе пока не нужно. Если понадобится – сделаю.

– Спасибо, я твой должник, -откликнулся Кильчевский и посмотрел на незнакомца.

– А, да, познакомьтесь. Это мой помощник, Изенбеков. Тоже работник комендатуры.

Они пожали руки друг другу.

– А, -только и протянул Кильчевский, глядя на бледное узкое лицо человека. Он был чем-то неприятен, хотя, причин для этого особо не было.

Сели в машину.

– А комендатура неплохо здесь обустроилась, -оглядывая очень недешевый автомобиль заметил Кильчевский.

Шемаков ничего не ответил и только улыбнулся.

– Куда едем?

– Сам увидишь. К морю. Ехать долго, поэтому, можешь поспать.

И действительно, как только автомобиль выехал на улицу, неодолимый сон напал на Кильчевского. Он все осознавал, вот Шемаков дает водителю какие-то отрывочные указания, вот тот в ответ ворчит насчет дорог, и в то же время, осознавал, что точно спал.

Снились ему три старика, которые шли плотно, плечо к плечу навстречу ему. Они шли зло, резко, глаза их блестя и пытались будто сжечь его объединенной силой своего разума.

Только бы не смотреть им в глаза, внезапно понял Кильчевский, но это было невозможно. Они прошли, задели его плечом, и через мгновенье оказалось, что один уже сидит у него на спине и свешивается через голову вперед, заглядывая в лицо, второй стоит возле плеча и нос его в сантиметре от щеки Кильчевского, а третий пролет между ног и тарачится снизу.

Он вскрикнул, разбросал стариков, тот, что на спине, очень долго не отцеплялся и хохотал от его бессилия.

Старики исчезли, а перед ним стояла маленькая девочка с куклой, которая неодобрительно на него смотрела.

– Дядя, а почему ты идешь?

– Мне надо идти. Если я остановлюсь, меня поймают плохие люди и сделают мне очень плохо.

– Дядя, но как ты можешь идти?, -смешно наморщив носик, она показала куда-то за его спину.

Он обернулся и увидел, что далеко сзади на земле лежит что-то. Кильчевский присмотрелся и с удивлением увидел, что это человек. Потом различил, что шинель и сапоги на лежащем очень похожи на его. А потом Кильчевский понял, что это лежит он сам.

Девочка продолжала переводить взгляд со стоявшего на лежащего. Наконец, произнесла:

– Как ты можешь идти, если ты давно мертв? И внезапно захохотала сильным и низким смехом.

Его растолкали. Это был Шемаков.

– Ты чего кричишь? Кошмар, что ли? Просыпайся, приехали.

Они вышли из машины. Кильчевский огляделся, они были на каком-то диком берегу за городом. Было бы совсем темно, если бы не особо яркая луна, свет от которой отражался в беспокойном море. Под ногами захрустел песок, когда они решили немного размять ноги после длинной дороги.

– Мы чего сюда приехали? Холодно-то как.

– Кое с кем познакомишься.

– А днем нельзя было это сделать? У меня был очень

непростой день, и хотелось бы выспаться.

– Выспишься потом.

Они продолжали ходить вокруг машины и ждать неизвестно чего. Покурили по разу, второму, но ничего не происходило. Кильчевский уже хотел залезть внутрь и поспать, как Шемаков, вглядывающийся куда-то в темноту, произнес:

– Ну наконец-то. А то я уже начинал волноваться...

В глубине души Кильчевский лелеял детскую надежду, что сейчас к ним выйдет та девушка, которую он видел в своем сне и все, наконец, станет на свои места. Однако, как и следовало ожидать, реальность бывает гораздо прозаичнее. Им навстречу шел пожилой лысый мужчина, подозрительно их оглядывая и несущий какой-то мешок. С виду он напоминал рыбаков, которые в любое время и при любой власти выходят в море с сетями. Но что делает высокопоставленный сотрудник комендатуры зимней ночью на пустынном пляже за Одессой с этим человеком?

– Это кто такой?, - незнакомец кивнул подбородком в сторону Кильчевского. Голос его оказался хриплым, как и полагается человеку, всю жизнь проведшему между мореным морем и сильными ветрами.

– Это мой друг, господин Кильчевский. Евгений Яковлевич, познакомься, это тоже мой друг, капитан Папандопулос. Капитан, запомните хорошенько лицо этого человека. Он обладает такими же правами, и вы так же отвечаете за него, как и за нас с Изенбековым.

Грек внимательно посмотрел в лицо Кильчвского и кивнул.

– Евгений Яковлевич, если когда-нибудь что-нибудь случится и тебе придется срочно покинуть город. Или, -он взглянул на Изенбекова, -начнется эвакуация, найди капитана. Можешь полностью ему довериться, он сможет тебя переправить куда надо. Принес?, -обратился он к греку.

Тот молча протянул сверток. Шемаков взвесил в руке.

– Остальное?

– Остальное через неделю. Сам понимаешь, было слишком много, а время сейчас сложное. Где-то война только закончилась, где-то еще продолжается. Все будет в лучшем виде.

Тот кивнул. Грек развернулся и зашагал обратно в темноту.

– Садитесь в машину, нечего морозиться. Не хватало еще заболеть.

Сели в салон и машина вырулила на обратный путь в город. Сна как не бывало. Кильчевский решил кое-что уточнить.

– А кто это был?

– Ты что, все прослушал? Капитан Папандопулос, мой друг. Теперь и твой друг тоже.

– А днем где-то в городе мы не могли с ним встретить?

– Он не бывает в городе. Только сегодня прибыл. Обычно, он... в других местах.

– Ясно. То, что ничего не ясно. А он кто, рыбак?

– Если он и рыбак, то попадаются ему исключительно золотые рыбки. Он контрабандист в одной ипостаси. Исполнитель деликатных поручений наших высших властей в другой. А в третьей... мой друг. Он мне очень обязан и я ему доверяю.

– Ты рассчитываешь на него, если красные войдут в город?

Тот ничего не ответил, но к величайшему изумлению Кильчевского подал голос Изенбеков:

– Знаешь, господин Евгений Яковлевич. Ты мне не нравишься. Извини меня, конечно. Ты появился только сегодня, а уже Спиридон тебе рассказал много того, чего не стоило. Ясно же было сказано – капитан наш друг, и если с нами что-то случится, или начнется бунт в городе, или что-то еще, можешь ему довериться, он знает, что делает. А ты все выпрашиваешь и пытаешься докопаться до всего.

Это была настолько жесткая и неожиданная отповедь, что Кильчевский не нашелся, что ответить и промолчал. Так в тишине доехали до города и остановились в одном грязном дворике.

– Здесь нам нужно расстаться, Евгений, -сказал Шемаков. У нас есть еще другие дела. Завтра делай что хочешь, только у меня личная просьба к тебе. Не влезай в истории, прошу. Тут я больше беспокоюсь о себе. Ты большой мастер устраивать представления на ровном месте, а последнее, что мне

нужно, чтобы ко мне было привлечено внимание высоких чинов контрразведки и армии.

Ты нам завтра особо не нужен. Можешь погулять, сходить в кино, сходить к мадмуазелям. Если понадобится, мы тебя найдем. Но старайся особо не мелькать. Адью!

Дверца захлопнулась, и автомобиль укатил по неосвещенным переулкам южной столицы России. Изрядно сбитый с толку необычной ночной поездкой Кильчевский постоял немного и побрел вдоль домов по направлению, как ему казалось, к своему дому. Эта часть города была совсем ему незнакома, и сперва надо было дойти до центра, откуда легко можно было сориентироваться.

Глава 6

Шагая по полутемным улицам, Кильчевский постепенно стал краем глаз фиксировать какие-то неясные тени, которые тотчас исчезали стоило только обернуться или сфокусировать взгляд на них. Он зашагал быстрее. Вряд ли это было что-то опасное, но власть сейчас в городе практически отсутствует, поэтому всякие сброд и темные людишки наводнили Одессу с целью пожить чем-то. Впереди показался какой-то большой кирпичный дом, обойдя который он остановился перед трупом собаки. В том, что это труп не было никаких сомнений: голова лежала рядом с телом, будто ее аккуратно отделили и демонстративно выложили. Кому понадобилось убивать животное выяснять Кильчевский совсем не хотел, и ускорил шаг. Квартал за кварталом оставался позади, но людей совсем не было. Хуже даже было другое – почти все дома были темны и холодны, будто в них никто не жил.

Внезапно, ему показалось, что он увидел маленького человека, гнома, не выше метра ростом, который выглядывал из-за угла дома чуть впереди. Кильчевский остановился, не решаясь сделать хоть один шаг вперед. Лицо гнома тотчас исчезло и через секунду уже казалось, что утомленный разум обманулся, создавая то, чего на самом деле нет. Медленно пошел вперед. Полное отсутствие людей и жилых домов на-

чинало уже изрядно пугать. Что случилось за те несколько часов, пока они ездили на пляж? Город полностью обезлюдел. Неужели, прорвались красные или еще кто? Но в Одессе были десятки тысяч военных, сейчас бушевал бы бой. Что могло послужить причиной тишины?

Кильчевский переложил верный маузер из кобуры в карман и сжал ту самую малую вещицу, на которую он надеялся даже больше в этих обстоятельствах. Наконец, он устал и остановился. Движение вперед по безлюдным грязным улицам только при свете луны серьезно раздражало. Надо было как-то сориентироваться, вероятно, он зашел в какой-то нежилой район. Может тот, где раньше жили евреи, но бежали от бесконечных погромов. Надо было свернуть налево, в сторону моря, и оттуда выйти к набережной.

Он резко изменил маршрут и, сам того не осознавая, начал поддаваться пока едва заметной панике и ускорил постепенно шаги практически до бега. Все оставалось по-прежнему: ни людей, ни огня в домах. Так он прошел довольно долгое время, пока не осознал, что уже давно должен был выйти на берег, которого все не было. Разум стал истерично придумывать картины, что попал в другой город, расположенный на маленькой планете и занимающий ее целиком. Поэтому, у города нет ни начала, ни конца, а он может так ходить бесконечно и так и не выйти к берегу. Рацио доказывала из последних сил, что просто город очень большой, ему незнакомый и небольшое пройденное расстояние кажет-

ся целой милей.

Тени на границе зрения снова замелькали, и это уже нельзя было списать на дефекты зрения или усталость. Они были, но заметить четко или что-то сделать с ними было нельзя. Успокаивая сердце, которое стучало уже со скоростью пулемета, Кильчевский продолжил идти.

Через некоторое время он наконец увидел впереди несколько человеческих фигур, которые стояли поперек улицы и будто совещались о чем-то. Фигуры еще не заметили его, и Кильчевский чуть не засмеялся от радости и облегчения, и уже хотел броситься к ним, когда увидел то, что повергло его в леденящий ужас.

Закончив совещание, фигуры встали на четвереньки и стали медленно расходиться в разные стороны. Кильчевский практически вжался всем телом в стену дома в переулке, моля всех богов, чтобы эти чудовища не заметили его. Через минуту одно из них прошло мимо него, недовольно вытягивая воздух и фыркая. Это была невероятная помесь человека и огромной собаки, по крайней мере, так ему показалось, бросив быстрый взгляд на него при свете луны. Морды чудовища он не увидел и был только страшно рад этому. То, что могло предстать перед его глазами, мучало бы его до самой смерти.

Он ждал так несколько минут, надеясь, что чудовища разойдутся подальше и он продолжит свое бесцельное путешествие. Однако, твари хоть и не видели его, но чувствова-

ли где-то совсем близко. Как бы он не продвигался закоулками, вся группа сопровождала на определенном расстоянии. Упорные мысли лезли в голову Кильчевскому. Как он прохлопал эту ловушку, конечно, он ругал только себя, но кто ее подготовил и подвел его к ней?

Все более он утверждался в мысли, что это Шемаков. Что за спешные дела у него были, чтобы оставить старого приятеля на безлюдной окраине незнакомого города и самому уехать? Конечно, это было подстроено, и он сдал его тем, кто уже давно пытался вернуть в Москву. Эх, Шемаков, Шемаков... Предал ты, и так запросто. Наверное, это сегодня же днем, после того, как отправил погулять, тут же связался с этими и выторговал себе большое вознаграждение.

Кильчевский уже давно понимал, куда он попал и примерно представлял, что это за чудовища. Наконец, он наткнулся на открытые двери темного кирпичного здания и неслышно поднялся на три этажа вверх. В подъезде стояла какая-то совершенная темнота, плотная, гораздо насыщенней, чем та, когда темной ночью смыкаешь веки.

Луна на небе постепенно закрывалась от земных взглядов за плотными облаками и не должно пройти много времени, когда на улице будет так же, как и в подъезде. Его похождения по ночному городу длились уже, казалось, много часов, но Кильчевский знал, что здесь ему не стоит ждать рассвета. Однажды, рассвет не наступал много веков, пока искали подобного ему беглеца. Что делать ему сейчас Кильчевский

абсолютно не представлял, но намеревался до конца выигрывать время. Сейчас его расчет был на то, что псы-люди не смогут его учуять внутри здания, они немного разойдутся, и он сможет выскользнуть из их кольца. Прислонившись к стене возле окна, он стал ждать.

Псы-люди, однако, и не думали уходить. Вероятно, они как-то поняли, что он прячется от них внутри одного из домов. Он видел только смутный омерзительный силуэт одного, но остальные, без сомнения, были где-то рядом. Чудовище прошло по улице перед его домом, потом вернулось и село прямо на дороге. Через некоторое время к нему присоединилось еще одно, потом еще, еще двое.

Кильчевский тяжело дышал и лихорадочно перебирал варианты спасения. Он уже понял, что ему не выйти из этого подъезда путем, каким он сюда зашел. Чудовища караулили. Он пытался вспомнить, есть ли в этом здании балконы. Если ему повезет, то сможет с балкона противоположной стороны спуститься, и немного отсрочить свое поражение. Кильчевский вошел из подъезда в одну из квартир, прошел несколько комнат и осмотрелся в почти непроницаемой темноте.

Балкона не было.

Разбивать окно, когда его караулят и ловят каждый звук не было никакого смысла. Итак, он в ловушке. Он может продержаться час, день или неделю, но эти стражи не спят и не требуют еды.

Вот ты и проиграл, братец, -невесело, но как-то спокой-

но и буднично, подумал он про себя. Зря ты думал, что сможешь долго водить за нос их. Днем надо было соглашаться на предложение в ресторане. Да, скорее всего, его ждала бы страшная расплата за его преступление, но оставалась крошечная возможность, что его пощадят из уважения к его наглости и везучести. Сейчас же с этими чудовищами не было ни малейшего, ни даже теоритического шанса. Они могут ждать своего шанса целую бесконечность и еще столько же, но дожждаться.

Вдруг, будто опровергая его пораженческие мысли, одно из чудовищ встало на ноги и заговорило низким и плотным голосом, который, казалось, сочился отовсюду.

– Тебе не скрыться. Выходи. Тебя ждут.

Не скрыться, твари, ага, -подумал Кильчевский. Вы не знаете, где я, хоть и чувствуете, что рядом.

– Да, мы рядом, -раздался снова голос чудовища. И чем больше ты думаешь, тем быстрее мы найдем, в каком доме ты прячешься.

Строго приказав себе очистить разум от мыслей, он продолжал стоять к окна.

– Ты не можешь думать, как и не можешь дышать. Еще немного и мы пойдем за тобой.

Кильчевский уже испытывал не панику, а какое-то безразличие. Он уже смирился со всем, что его ждет, и желал в тайне, чтобы это все закончилось быстрее.

– Ты должен сдаться. Это не больно, ты ничего не почув-

ствуешь. Ты же знаешь. Почему ты отклонил сегодняшнее предложение. Оно до сих пор в силе.

Что?! - пронзила невольная мысль. Так предложение еще действует?! Меня все еще могут помиловать?!

– Конечно, могут. Выходи и быстрее закончим этот цирк.

Не думай, - приказал он себе и прокусил до крови щеку. И не слушай этот голос! Он тебя заставляет выйти!

– Можешь не думать, дело твое. Ну, выиграешь ты несколько минут. Это тебе сильно поможет? Но разозлит сам знаешь кого.

Разум его уже полностью сдался. Ноги сами начали движение, чтобы выйти из дома и отдать себя на милость этих тварей, как вдруг они взволнованно вскочили и засуетились на дороге. Они вставали то на ноги, то на все четыре лапы, оглядывались, подвывали и беспорядочно бегали, поглядывая в одну сторону. Кильчевскому не было видно, что там, когда же он, перебравшись на другую сторону от окна, бросил короткий взгляд наружу, то, кажется, ничего не изменилось. Все те же темные безлюдные дома, отсутствие малейшего источника света до самого горизонта, мертвый город и только луна, его единственный союзник, все пыталась прорваться через тяжелые облака.

Чудовища все больше волновались, и беглеца пронзила безумная надежда, что сейчас они забыли о нем и внимание сосредоточено на чем-то другом. Он медленно спустился на один этаж вниз, прислушался. Вроде, они до сих пор

не поняли, где он скрывается, но вой существ, которых он не видел потому, что был в межэтажном пролете, свидетельствовал о чем-то страшном. Кильчевский спустился на нижний этаж и вжался всем телом в дальнюю от дверей стену, туда, где темнота была особо вязкая, для того, чтобы случайный луч лунного света не выдал его. Однако, надежды были пока преждевременны: пусть беспокойство чудовищ уже достигла уровня истерики, они и не думали покидать площадку перед домом. Значит, чтобы там ни происходило, они не забыли о своей загнанной жертве.

Стоять было здесь слишком опасно, и разочарованный беглец снова поднялся на этаж наверх. Ему показалось или стало чуточку светлее? Даже, не светлее, потому, что темнота сгустилась, однако все на улице стало видно отчетливее. Теперь чудовища были лучше различимы. Это не неясные тени, совсем нет. Это какие-то твари из преисподней, которые сейчас метались, словно в поисках выхода из клетки.

Вдруг одна из тварей жалобно заскулила и стала подниматься в воздух, будто какой-то невидимый великан поднял на уровень нескольких этажей. Оставшиеся на дороге были, насколько мог судить Кильчевский, полностью ошеломлены этим видом и от ужаса замерли, не сводя глаз с товарки. Тварь в воздухе прекратила подниматься, и, вдруг, с невероятной силой ударилась в стену, да так, что угол дома осыпался. Это было невероятное зрелище. Останков твари, конечно, не осталось, только повсюду виднелись какие-то чер-

ные потеки. Оставшиеся внизу чудовища, вероятно, поняли с чем столкнулись, образовали какое-то подобие боевого строя и бросились вперед с немыслимой скоростью. Да, от таких, если заметят, нет никакой надежды спастись, подумал обреченно беглец. Однако, даже бросившись в драку с каким-то светлым объектом на дальнем конце улицы, твари все равно были в пределах видимости, и если Кильчевский выйдет, то через мгновение будет замечен.

Глава 7

Ночью длилась уже много лет. Или, это ему так казалось? Может, прошло всего пару часов, но события, которые выпали на его долю этой ночью, были по ощущениям равны десятилетиям. Он выглянул на долю мгновения, чтобы бросить взгляд на дальний конец улицы. Там, судя по звукам и вспышкам, сражение только разгоралось. Уже что-то странное происходило и с улицей. Она начала двигаться волнами во все стороны. Или это уже проблема с глазами? Кильческий потер лицо и снова бросил взгляд вниз. Нет, действительно, улица, теперь и с домами вместе, начинала подниматься и опускаться на волнах, будто стояла на океане, настолько сильном, чтобы качать весь город. Ясно было одно: оставаться внутри этого дома, как бы сильно этого не хотелось, больше нельзя. Неизвестно, устоят ли вообще здания, но проверять на себе совершенно не хотелось. Беглец осознал, что уже некоторое время с неба доносится какой-то необычный гул, все более усиливаясь. Еще несколько минут если будет так продолжаться, то он превратится в грохот, среди которого ничего уже не слышно.

Теперь, как назло, луна совершенно освободилась от облаков и залила своим светом город внизу. Еще недавно, он молился, чтобы если уж сгинуть, то хотя бы не в крошечной тьме, теперь же улица была прекрасно видна на всем протя-

жении, и любой его шаг из дома сразу будет замечен тварям. Он в бессилии опустился на пол. Надо что-то делать, надо что-то делать, надо что-то делать... Он чувствовал, что время уходит, как и его шансы оторваться от тварей. Чтобы там не происходило, оно не могло продолжаться долго.

От злости он толкнул одну из дверей квартиры. Она неожиданно поддалась и громко ударилась о стену. Это показалось Кильчевскому довольно смешным. Некоторое время назад, скрываясь во тьме, он боялся выдать свое местоположение слишком громким дыханием или мыслями, а теперь громкий удар двери совсем его не волновал. Он прошел несколько комнат, и в душе у него забрезжила надежда. На одном из окон не было стекол, вернее, они были, но разбитые, и довольно давно. В окне так же была решетка, через которую не должен был пролезть воришка. Но после всего пройденного, это препятствие ни на йоту не смогло огорчить его. Смастерив из вещей в комнате крутильный рычаг, Кильчевский лихорадочно смог немного отогнуть соседние прутья. Получился зазор, куда по идее, мог пролезть взрослый мужчина. Он и протиснулся, содрав себе кожу на руках, щеке и потеряв все пуговицы.

Наконец, он был на свободе! Если он и погибнет, или что-то еще более страшное случится, то, по крайней мере, это случится не в тюрьме, в которую превратился этот случайный дом. У Кильчевского немного сочилась кровь с ладоней, но теперь он мог бежать, а верный маузер придавал какую-то

уверенность в своих силах.

Он осмотрелся и направился, стараясь соблюдать тишину, в сторону от того места, где затихали твари. Кильчевский совершенно не хотел знать, чем все закончилось, и совсем не был уверен, что то, с чем столкнулись чудовища, будет хоть немного благосклоннее к нему, чем они. Шагая по темным улицам, он обратил внимание еще на одну деталь. Дома, прежде совершенно обыкновенные, просто темные и безлюдные, сейчас стали похожи на какие-то неумелые макеты. Словно, потемкинские деревни, наскоро сколоченные и разукрашенные доски, в надежде, что никто не заметит.

Чем дальше, тем это чувство росло. Фасады домов еще могли на большом расстоянии сойти на настоящие, но когда он решил проверить, и войти в одну из дверей, оказалось, что там нет ручки. Через несколько кварталов он повторил попытку, и оказалось, что сама дверь нарисована.

Он уже понимал, что происходит. Кто-то, более могущественный, чем те, кто его преследует, начинали разрушать этот иллюзорный мир. Да, он более могущественен только потому, что те очень далеко, но сейчас для него это было несущественным. Если же он раньше очень торопился, когда спасался от тварей, то теперь надо еще больше ускориться, потому, что скоро все исчезнет, и он вместе с этими игрушечными домами.

Дальше, Кильчевский обнаружил, что очередной дом был

уже деревянной картиной, заглянув за которую он увидел только ночную степь. Быстрее, быстрее надо! Времени совсем не осталось! Где-то должен был выход в реальный мир, он всегда бывает. Главное, быстрее его найти. Как этот выход выглядел, Кильчевский не знал, потому, что каждый раз вид его менялся. Это могло быть все, что угодно, но знающие люди утверждали, что как только найдешь, то не спутаешь ни с чем другим.

Периферийным зрением Кильчевский заметил какое-то движение позади. Сердце опять рухнуло. Неужели твари, которые остались далеко позади, все-таки настигли? Он прижался к нарисованному макету и переложил пистолет в другую руку. Нет, подумал, должно быть показалось. Мир схлопывается, а сзади, должно быть, уже начали пропадать дома.

Глубоко вздохнув три раза, он отклеился от дома и побежал вперед. Раздался хлопок где-то сбоку. Повернув голову, он понял, что оказался прав: где только что стоял большой дом, теперь красовалась пустота наподобие той, которая появляется после удаленного зуба. Быстрее, быстрее, быстрее! Теперь он даже не стремился сохранить тишину, надо было спасаться не столько от тварей, сколько от исчезновения этой реальности. Быстрее, еще быстрее! Снова движение сзади. Обернулся. В нескольких кварталах позади стояли две тени, похожие на больших собак. Они стояли и смотрели, не отрываясь на него.

Он негромко выругался и пустился бежать по боковому

переулку. С их скоростью нагнать его – дело нескольких мгновений. Кильчевский петлял бегом по улицам, судорожно всматриваясь во все быстрее исчезающие дома в поисках выхода. Нет, и здесь нет! Проклятье!

Пробежав ещё немного, он нырнул в едва заметный тупик между двумя макетами домов, надеясь таким образом пропустить тварей вперед и пуститься в обратном направлении. Они показались из-за угла. Господи, куда подевалась их мощь и скорость?! Они выглядели, как избитые дворняжки, которые ковыляли изо всех сил по улице в направлении его предполагаемого движений.

Кильчевский отошел поглубже в тупик и наставил пистолет вперед. Конечно, убить их этой игрушкой нельзя, но после того, что случилось у дома, от неожиданности может их ошеломить несколькими попаданиями. Тени прошли мимо входа в тупик, остановились (тут его сердце и разум омертвели от ужаса), принялись, поводили своими почти человеческими головами и поковыляли дальше по улице и свернули направо. Он постоял несколько мгновений, проверяя, не ловушка ли это. Выглянул на мгновение, выскользнул из тупика и тихонько пошел в обратном направлении. Потом припустился бегом.

После одного из поворота он снова заметил выглядывающего гнома, но теперь это был не тот лукавый и хитрый старичок, а яростно оскалившийся в негодовании гoblin, с ненавистью смотрящий на беглеца.

– Ах ты тварь!, -вскликнул Кильчевский. Рука сработала быстрее разума, прозвучал выстрел, который разнес половину макета дома.

Естественно, он не попал. Но хоть одно радовало, теперь можно было не сохранять тишину. Гном снова высунулся, открыл рот, полный острых акульих зубов, в глубине которого страшно извивался длинный язык. Кильчевский побежал другой дорогой.

Где выход? Ну, где он?! Он свернул раз, второй, десятый. Направление давно было потеряно. Мозг отключился, оставив человека на волю рефлексов. Снова дома, макет, улица. Два дома исчезло. Прозвучал грохот. Со страхом он посмотрел налево и увидел, что начала исчезать улица вместе с домами. Так, значит, мы бежим направо. Вперед, быстрее, быстрее!

Он выбежал на какой-то новый проспект, который еще не видел. Там впереди, в нескольких сотнях метров чернело в земле отверстие. Это выход, Кильчевский сразу понял. Ему надо туда! Быстро!

Он собрал силы для последнего рывка и побежал. Когда до отверстия оставалось меньше половины расстояния, ужасный рев потряс уже довольно небольшой мирок. Кильчевский обернулся и увидел, что где он сам был совсем недавно, сейчас стояла одна из тварей.

Теперь все просто: или он добежит первый до выхода, или тварь. То, что она не будет тратить времени на него, это было

понятно. Она тоже искала спасения от Небытия.

Он пустился бежать. Но даже раненая тварь, после страшной битвы у дома, была намного быстрее его. Через пару секунд он понял, что не успеет добежать. Оборачиваясь и одновременно вытягивая пистолет перед собой, он выстрелил в тварь, которая была уже совсем близко. Две пули попали ей в морду, но не произвели особого эффекта. Тварь только покачнулась и прыгнула на него с целью разорвать, но не по приказу, по которому была сюда послана, а только потому, что он пытался помешать ей спастись. Кильчевский упал на землю, избегая страшного удара, и сжал свой особый предмет.

Тварь приземлилась впереди, подвернула лапу и по инерции со страшной силой врезалась в дом. Невидимая сила подбросила его в воздух, и он бросился бежать к спасительному отверстию. Когда до него оставалось не больше пяти метров, в нос ударил запас разлагающейся плоти и мертвечины. Где-то на задворках мелькнула мысль, что это не выход, а просто очередная шутка для беглецов, который, подгоняемые слепой надеждой, бросались сюда на верную смерть. Но другого ничего не оставалось, второй раз тварь, которая уже поднимались на ноги, не промахнется.

Все это он передумал за крохотную долю секунды, когда уже летел головой вниз, а сверху раздавался оглушающий свист, который свидетельствовал о том, что тот мир завершил свое существование. Кильчевский упал на груды костей,

от боли потерял сознание, провалился сквозь поверхность Бытия и вселенная погасла.

Глава 8

Где он?

Почему вокруг все воняет?

Он спит или нет?

Тут в голове стали всплывать события всего дня и он дернулся. Нет времени лежать, твари рядом! Бежать! Бежать!

Откуда свет такой яркий? Луна не так светит. Да она и не греет.

Тут будто кто-то щелкнул переключателем, и в разум вошла какофония звуков и запахов. Вокруг хлопотали люди, некоторые стояли вокруг и смотрели на него. Он лежал на мостовой. Рядом проносились извозчики и редкие машины. Были холодно.

– Да бросьте его!, - услышался чей-то мерзкий голос. Он большой какой-то, разве не видите?

– Да как же бросить-то?, - отвечал кто-то первому. И почему больной? Человек просто упал или его избили и сбросили в этот канализационный люк. Это офицер, поди какой-то.

– Да какой офицер-то?, - встрял третий. Вы посмотрите на него, щетина какая! Грязный весь. Точно больной, тифозный или чего еще похуже.

– Э-эй, человек!, - потрясли его за плечи, которые уже изрядно промокли к этому мерзкому тающему снегу. Ты же не больной, скажи. А то, мы тебя обратно бросим в ту ка-

нализацию, откуда вытащили. Шучу, шучу. Пришел в себя, мил-человек?

Кильчевский попытался встать, но тело его не слушалось, и он только перевалился на другой бок.

– Тебя к врачу надо, -кто-то сказал ему.

Он покачал головой. Нашупал в кармане деньги, которые чудом сохранились во время все перипетий и назвал адрес своего дома.

Когда подъезжали уже на извозчике, их остановил какой-то человек, сказал, что он из комендатуры, и внимательно взгляделся в лицо бессильно лежавшего Кильчевского. Даже, если бы это были шпионы красных, которые должны были его, наконец, убить, он бы покорно подчинился. Настолько он устал за последние дни, а в особенности, за ночь. Вероятно, вот пришла его смерть. Оказалось, это человек Шемакова, того человека, которой и послал его в ловушку в искусственном мире.

– Вроде он, -с сомнением сказал человек кому-то за спиной. Только... Ну, больше некому, повезли его, там разберутся.

Сели еще два человека и его повезли по уже знакомому маршруту в комендатуру. Когда проезжали улицы, он обратил внимание, что вчерашней слякоти не было в помине. Везде лежал снег, уже не очень чистый, но честный снег, который знаменует собой приход настоящей зимы. Столько выпало за ночь? Правильно говорят, у моря погода меняется

слишком быстро.

Доехали. Ему помогли вылезти и добраться до кабинета Шемакова. Когда он увидел Кильчевского, то ахнул и молча тарашился на него.

– Что такое?, -прохрипел Кильчевский. Не ожидал увидеть? А я выбрался, брат.

Тот словно не слышал его.

– Что с тобой случилось, Женя? Ты посмотри на себя!

Кильчевский недоуменно осмотрел себя. Да, он был очень грязный, сначала бегство то виртуальному миру, потом битва с тварями, канализация. Вероятно, он весь в крови и грязи, ну что с того.

– Ты же весь седой!

– Что?

– Принесите зеркало! Быстрее!

Он посмотрел на себя. На него из зеркала смотрел какой-то незнакомый мужчина, гораздо старше его. С седыми волосами и усталым, выцветшим взглядом.

Зеркало выскользнуло из его ослабевших рук и разбилось.

Как он мог забыть?! Это же основная характеристика таких миров: время там течет гораздо быстрее! Так вот почему твари не так активно искали его среди мертвого города! Они-то как раз знали, что время играет на их стороне, им главное подольше его задержать, и даже если он сможет бежать, то вернется в реальность стариком и протянет не больше пары дней. Он потерял не меньше десяти лет своей жизни, судя

по отражению! Ясно, почему тело так ослабело. Ведь оно тоже сильно состарилось и уже не могло быстро восстановиться, как еще вчера.

Кильчевский упал на пол на глазах ошеломленных людей и горько заплакал. Он потерял часть своей жизни. Он думал, что сможет обставить преследователей. Но их не обманешь. Они всегда выигрывают. Он лежал на полу и рыдал.

Когда он немного пришел в себя, то смог ответить на все вопросы.

– Ты почему меня высадил там?, -красные от слез глаза Кильчевского впились в лицо Шемакова.

– Что значит «там»? У нас было дело на другой стороне города, я тебя высадил на окраине, там было пять минут ходьбы до кинотеатра и площади. Куда ты пропал?!

– Ты хочешь сказать, что не причастен к моему похищению?! Я тебе не верю.

Он попытался достать пистолет, но не хватило сил сделать это молниеносно, как раньше. Шемаков молча встал, отобрал пистолет и положил его на стол.

– Тебя похищали? Кто? Почему ты не сопротивлялся? Мог хотя бы пострелять, мы не могли далеко уехать, тут же бы вернулись. Когда утром ты не пришел, я за тобой послал. До самого вечера искали, пока не поняли, что ты не дошел до дома. Тогда я отправил патруль, чтобы дожидались тебя. Уже хотел их снимать сегодня, но привезли тебя.

– Что ты хочешь сказать? Я отсутствовал только ночь.

Утром меня обнаружили на улице.

Память и чистота мыслей постепенно возвращались к нему, как и силы. Не последнюю роль в этом сыграл стакан спирта, налитый Шемаковым.

– Ночь? Посмотри на календарь.

– Меня не было неделю?!

– Да. Я уже потерял надежду, подумал, что тебя убили. Мы обыскали твою комнату. Твои вещи и саквояж были на месте, вряд ли бы ты бежал без них. А ты вернулся...

Он внимательно посмотрел на Кильчевского.

– Так, где ты был?

– Не помню, - солгал он. За мной гнались, потом, вроде, поймали, накачали каким-то лекарством. Потом я бежал, получил удар по голове. Очнулся на улице, люди говорили, что обнаружили меня, кажется, в канализации. Не знаю, насколько это правда.

Шемаков долго молчал.

– Я понимаю, что ты врешь и не рассказываешь, что произошло. Значит, на то есть свои причины.

Кильчевский не смотрел на него.

– А у нас, пока тебя не было, такое вчера приключилось! Представь, приехал помощник барона Врангеля осмотреть оборону города, и как только он приехал, началось землетрясение. Весь город ходуном ходил. Вот совпадение, а? Только приехали от Врангеля и тут землетрясение. Суеверные люди сразу начали распускать слухи, что это плохой знак и прочее.

– Да, интересное совпадение, -вяло отозвался Кильчевский. Теперь он понимал, что то, что вчера сокрушило тварей, скорее всего, отозвалось в этом мире землетрясением, но кто за этим стоял? Неужели, посланник барона или это никак не связано?

– Что еще произошло, пока меня не было? Насколько я понимаю, красные город пока не взяли.

– Да, ты наблюдательный. Нет, они остановились к северу от наших застав. Ни на метр не приблизились. Подходят к Крыму, но там, вроде, у нас толковый генерал есть. Слащев. Знаешь такого?

Кильчевский помотал головой. Значит, неделю его не было. И тот мир схлопнулся вместе с тварями. Они не смогли выполнить задание. То есть, те, кто их послал, не знают, где они, не могут нигде отыскать. Пока разберутся, а бюрократия есть даже там, где не ожидаешь, пока согласуют новые действия. Он выиграл себе немного времени для того, чтобы войти в форму и обдумать новый план.

– Меня никто не искал?

– Никто. Даже квартирная хозяйка. Ты оплатил за месяц вперед, а где ты, и вообще жив ли, ее не касается.

– Я могу идти?

– Женя. Мне до сих пор кажется, что ты на меня чем-то обижен или что-то подозреваешь. Я тебе даю слово: я не причастен к твоему похищению. Кроме меня, ты тут в этом городе никому не нужен, и только я организовал поиски. Да, ты

можешь идти, но я повторю еще раз, миллионный раз, свою просьбу: ни во что не ввязывайся! Если чувствуешь беду – стреляй не раздумывая. Если тревога ложная, то мы все уладим, если нет – то хоть так привлечешь внимание.

– Нет никаких дел больше, в которые ты хотел бы меня посветить?

– Пока нет. Но просьба: никуда не отлучайся из квартиры. Многого происходит сейчас в городе. Тебе не все нужно знать, но ты можешь понадобиться в любую секунду. Договорились? Да, пока бездельничаешь, возьми деньги. Здесь не так много, но развлекься можешь вполне.

До дома он решил пройтись пешком. Следовало многое обдумать. Кильчевский старался не касаться темы потерянных лет жизни. Как-то надо было развлекься, как-то потопить эту горечь в разнузданном веселье.

В квартире, кажется, все оставалось на своих местах. Конечно, люди Шемакова обыскали все его вещи и даже увидели, что хранится в саквояже, но ничего не тронули.

Придя, он лег на диван, и долго смотрел в потолок. Да, опасность, которая ему грозила, немного отодвинулась, и он можешь вздохнуть спокойно. Но это дело времени, когда на его поиски появится кто-то другой, и какой план он будет реализовывать, знают только пославшие его.

Употребив один из порошков, нежно розового цвета, и сделав себе укол в вену, Кильчевский решил привести в порядок свои душевные и физические силы. Он отправил-

ся в дорожную сауну, где после многочисленных процедур выглядел уже не таким старым. Просто человек, который много чего повидал, а седая голова только придавала таинственного шарма.

Следующие несколько дней он провел в одном из борделей с замечательными девушками, многие из которых являлись весьма высокого происхождения и были вынуждены после революции зарабатывать себе на жизнь подобным образом. Он жалел их, как любой нормальный мужчина жалел бы женщин, еще недавно бывших женами вершителей судеб, а теперь постепенно опускавшихся на дно. Кильчевский платил за их услуги очень щедро, но и брал с них по полной.

Эти дни, наверное, были сублимацией его представления о мусульманском рае, где гурии дарили неземное наслаждение праведнику. Саквояж был при нем и путешествия в негу были многократно более приятные. Раз в день предоставленное им крыло посещала хозяйка борделя, чтобы убедиться, что все в порядке. И так же четко раз в день Кильчевский отдавал ей изрядную сумму денег, чтобы продлить еще немного столь приятный распад личности. Девушки регулярно менялись, он старался помочь как можно большему числу несчастных. Время проходило в полудреме и курении опиума в окружении красавиц. Сколько прошло? Два дня? Три? Неделя? Он не знал. Главное, что мысли о страшной опасности и потерянных годах жизни стали отступать на задний план.

Однажды, он заглянул в свой чудесный саквояж и увидел, что его богатств стало гораздо меньше. Осознание этого проделало долгий и сложный путь в его разуме, и пришло понимание, что надо выходить обратно в серый и печальный мир. Конечно, если бы случилось что-то важное, его бы нашел Шемаков. Это старый приятель, как он подозревал, был гораздо могущественней и опасней, чем занимаемая им скромная должность работника комендатуры. Кильчевский бы не удивился, если бы узнал, что настоящая власть в городе находится в руках Шемакова, и он позволяет военной верхушке и контрразведке упиваться своей несуществующей властью. Потом, в этот день или на следующий, а его комнате оказался сидящий на кровати Изенбеков. Он холодно и оценивающе смотрел на Кильчевского.

Глава 9

– Ты в адекватном состоянии? Соображаешь?

Тот кивнул и выжидающе посмотрел на гостя.

– Можешь идти? У нас задание. Ты нужен свежий. Меня Шемаков послал.

Кильчевский кивнул еще раз и голый пошел в туалет. Там засунул два пальца в рот и избавился от значительной части дурмана. Потом принял другой дурман, окончательно пропустивший его разум. Он оделся и последовал за Изенбековым.

– Что случилось? Красные подходят к городу?

– Практически. Наверное, это красные были или кто-то по их приказу. Местечко одно, к северу, почти у самых наших постов. Там всех вырезали. Подчистую.

– А при чем тут городская комендатура?

Тот промолчал. Когда они дошли до улицы, Изенбеков повернулся к Кильчевскому.

– Я тебе говорил, что ты мне не нравишься. Я тогда солгал.

– Да? Мне очень приятно.

– Я солгал. Ты мне очень не нравишься. И твои манеры, и твой подход ко всему вокруг. Тебе на все плевать. Да, не сегодня-завтра тут все закончится, придут красные, и начнет новая власть. Но всегда нужно оставаться человеком, понимаешь?

Кильчевский ошарашенно молчал. Его рассудок не совсем избавился от дурмана и поэтому, не сразу сообразил, что это есть ответ на его вопрос.

– Какое дело городской комендатуре, спрашиваешь? Никакого. Потому, что полиции нет. Военные только в штабах наполеоновские планы строят, а по вечерам хлещут спирт. Да, а самые садисты, во всех структурах, пытаются подозреваемых в симпатиях к красным, и пытаются страшно. Кто защитит простых людей? Да, мы почти бессильны. Но мы должны попытаться.

Такая гневная отповедь совершенно сбила с толку Кильчевского. Он молча дошел до автомобиля и сел в салон.

Внутри уже ждал хмурый Шемаков. Он внимательно посмотрел в лицо Кильчевскому, словно пытался убедиться, что его приятель сейчас на грешной земле, а не в высших сферах. Кивнул и откинулся на спинку и прикрыл глаза. В салоне было тепло и темно, и Кильчевский немного задремал. Ему ничего не снилось, видимо, организм просто восстанавливал силы после длительных наслаждений. Хорошо выспавшись, он открыл глаза и увидел, что автомобиль до сих пор едет, но за рулем уже вместо Изенбекова сидит Шемаков. Тот сидел рядом с Кильчевским и мирно похрапывал.

– Ты же не оставишь меня на обратном пути снова на окраине, чтобы я дошел пешком?, -неудачно решил он пошутить.

– Нет, можешь не беспокоиться.

– Куда мы едем?

– Тебе же сказали. На север. Произошло массовое убийство. Нам надо посмотреть все своими глазами и возбудить дело. Потому, что больше никому.

Повисла тишина.

– Почему ты помогаешь мне, -прозвучал давно витавший в воздухе вопрос. Да, мы хорошо ладили в прошлом, но прошло много лет. Ты всем старым знакомым так помогаешь?

– Нет, не всем. Я знаю, откуда и от кого ты бежишь. Я не имею отношения, к счастью, к вашим делам, но мне тебя жаль.

– Жаль? Почему же? Если ты не в курсе всего, значит, и не можешь всего оценить.

– Мне жаль, что ты уже проиграл, только пока не понимаешь этого. Ты никуда не сможешь убежать от них.

– Ты же не знаешь, почему я бегу. Это знаю только я и те, в Москве.

– Да, я не знаю. Но должно быть, это что-то очень важное, если они тратят столько сил и ресурсов, чтобы изловить одного человека.

– Он, -Кильчевский кивнул на Изенбекова, -тоже знает?

– Он, вообще-то, и просветил меня насчет тебя. Он имеет кое-какие знания и опыт. Не в той же... организации, что и ты, конечно. Но имеет представление о предмете. Я давно уже думал, чего ты делаешь в Одессе, а потом головоломка

сложилась.

– Откуда ты его знаешь? Ему можно доверять?

– Никому сейчас нельзя доверять. Я и тебе не доверяю сильно, извини уж. Ты внимание слишком могущественных сил привлек на этот несчастный город. И что еще выкинешь ты или твои преследователи – никто не знает, и это пугает. И себе я не верю. Но меньше всех я не верю ему.

– Ты познакомился с ним здесь?

– Нет. Но он мне очень дорог и не советую его огорчать.

– Приехали, – подал голос Изенбеков, который уже давно не спал и слушал их разговор. Здесь поверни направо и держись вдоль забора.

Машина остановилась, они вышли из машины и их взору открылся ужасная картина.

На большой территории типичного маленького местечка, чуть больше села, но с несколькими этажными домами, виднелись пожары и стоял сладкий удушливый запах разложения. Чуть дальше, на площади, виднелась куча какого-то тряпья, над которым возвышались какие-то строительные леса. Троица отправилась в том направлении.

Когда они подошли ближе, то поняли, что никакое это не тряпье, а трупы людей. В основном старики, женщины и дети, мужчин почти не было. И никакие это были не строительные леса. Вернее, не совсем. Это были деревянные балки, сбитые с лестницами, к которым в разных позах гвоздями были прибиты тела. Они обошли вокруг этой горы.

– Как думаешь, сколько здесь?

– Трудно сказать. Не видно, как плотно они лежат снизу. Навскидку несколько десятков, может больше.

– Позже пересчитаем. Пошли.

Они отправились дальше. Трупы были не только на площади, иногда им попадались тела внутри домов. Наверное, убийцы, кем бы они ни были, согнали всех в центре, а потом принялись прочесывать и дома.

Они втроем ходили примерно полчаса, но так и не нашли никого живого. Только на околице, возле последних домов, были замечены какие-то люди, суетившиеся возле сарая. Изенбеков уже решил открыть по ним огонь, но Шемаков движением руки остановил его.

– Оставь. Это просто мародеры из соседних сел. Они пришли поживиться тем, что осталось, но, думаю, ничего ценного здесь они уже не найдет.

– В хозяйстве все пригодится. От вил до дверей.

– Да, они не очень смущаются видом убитых соседей.

Шемаков достал револьвер и пару раз выстрелил в воздух. Мародеры хотели уже открыть стрельбу в ответ, но, поразмыслив, решили, что связываться не стоит, поспешно вскочили на лошадей и умчались.

– А если бы они решили тоже пострелять?, -спросил Кильчевский. Вот была бы глупая ситуация, их гораздо больше, чем нас и, думаю, вооружены неплохо.

– Тогда бы мы по законам военного времени разобрались

и оставили их тела лежать в открытом поле.

– Ты расскажешь, что здесь произошло? Или мы будем дальше ходить в молчании?

– Что тебя интересует? Я знаю не сильно больше твоего. Сегодня утром поступило сообщение, что обнаружили полный трупов городок. Руководство меня отправило сюда, чтобы провести все необходимые действия, пока не пришли красные и не обвинили в этом нас.

– А это точно не мы? Сам знаешь, какие люди последнее время прибывали с севера. Вся шваль и сброд, которому я не доверил бы сапоги себе почистить.

– Нет, это не мы. Это я знаю точно.

– А зачем ты меня взял?

– Чтобы ты начинал приходить в себя. Скоро, думаю, большевики подойдут к Одессе, а ты в разобранном состоянии, не способный даже свою голову найти, недолго проживешь тогда.

– Спасибо. Так у тебя нет никаких догадок, кто это сделал? Может, это сами большевики, чтобы обвинить нас?

– Вряд ли.

Они вернулись назад на площадь.

– Тут, похоже, один еврей. Еврейское местечко?

– Да. Поэтому, я и не думаю, что это большевики. В ненависти к евреям они пока замечены не были.

Кильчевский присел на корточки и осмотрел осторожно головы нескольких тел.

– Смотри. У многих выстрелы в затылок и спины. Пули, судя по размеру отверстий, винтовочные.

– Да, и у многих, резаные раны, видишь?

– За ними гнались, похоже. Возможно, верхом.

– Возможно. Но эта погода, то снег, то оттепель, стерла все следы.

– Как, думаешь, развивалась ситуация?

Кильчевский осмотрелся и прошелся вокруг. Потом закурил и прошелся еще.

– Думаю, дело было так. Учти, это моя версия и я многое просто придумал.

– Ну?

– Последний вопрос. Кто сообщил?

– Неважно. Беженцы случайные. Они тут не при чем.

– В общем так. Вчера днем, думаю, со стороны полей приискал отряд. Где-то в полсотни человек.

– Почему не со стороны дороги?

– Там всегда кто-то двигается на юг, а вооруженный отряд, скачущий в противоход, точно бы заметили. Они прибыли в местечко и приказали местным собраться на площади. Знали, что мужчин нет, все воюют на разных фронтах и на разных сторонах. Часть людей собралась, часть решила спрятаться, решила, что делать плохо кончится. Тех, кто был на площади, убили и сожгли, потом решили проверить дома. Там тоже нескольких нашли. Начали грабить. Не исключено, что кто-то смог бежать, но, скорее всего, ночью в зимней

степи в домашней одежде замерзли. Буду очень удивлен, если кто-то выжил и добрался до помощи.

– Почему ты так уверен, что они прибыли вчера днем?

– Трупы заметили сегодня утром, как ты говоришь, значит, резня случилась раньше. А пожары до сих пор не погасли, значит, дома подожгли не так давно. Следов большого отряда мы не нашли, а учитывая ночной дождь со снегом, значит ушли они раньше. Поэтому, прибыли днем или ранним вечером.

– Ну, близко к истине. Так кто это сделал?

– Если ты говоришь, что это не сброд, который бежит в Одессу, -Шемаков покачал головой, -я тоже думаю, что вряд ли это большевики. Все-таки, массовые казни стариков, женщин и детей с грабежом домов – не их стиль. Чтобы про них не говорили, нет, это не они.

– Значит?..

– Значит, это третья сила. Может, махновцы, может еще кто-то из вольных атаманов. Я слышал, сейчас в степи каких только персонажей нет.

– Почти в точку. Это стрельцы Петлюры, или как они себя там называют, не помню. Украинцы Директории. Вернее, остатки, одна из банд. Смешно, но сейчас у нас с ними что-то вроде союза.

– Это ты с чего сделал такой вывод?

– Ты сам сказал, что они прибыли верхом. Это не махновцы, они тоже не промышляют массовыми убийствами евреев.

ев. Это противоречит самими основам анархизма, а своих хлопцев батька держит крепко. Тачанок, телег или автомобилей не было, по крайней мере, следов мы не нашли, за ночь, даже дождливую, они не могли бесследно исчезнуть. А потом надо вспомнить, как разбитые стрелы влились в наши силы совсем недавно. Ну как влились, они просто прибились к тем силам, которые не готовы тотчас расстрелять, как большевики. Как бы они часть ВСЮР, но фактически нам не подчиняются.

– Ну, если они влились, зачем было вырезать это местечко?

– Влились не все. Многие отказались. Говорили, что не для того два года дрались и проливали кровь, чтобы князя и бароны великорусские снова ими командовали. И сейчас гуляют по степи разбойниками. Кто-то примкнет к Махно, кто-то переметнется к большевикам. Но это они, без сомнения. Да и кто еще ненавидит настолько евреев, чтобы учинить такое?

Кильчевский отошел к одному из домов, где Изенбеков рассматривал что-то на корточках. Там лежали двое, девочка лет десяти и мальчик, совсем маленький, года три, не больше. Судя по всему, девочка перед смертью была не единоразово изнасилована, а мальчик, брат, вероятно, которого она пыталась спасти, был убит ударом штыка в грудь.

Они молча смотрели на эту картину невообразимой жестокости и мерзости. Не могло уложиться в голове, что люди

вообще способны на такое.

– Знаешь, -произнес задумчиво обычно молчаливый Изенбеков, -что самое страшное? Даже не те страшные смерти, которые настигли всех этих людей. А то, что выродки, которые сделали это все, еще недавно были добрыми соседями убитых. А когда война закончится, они вернутся в свои дома, станут безобидными милыми селянами, любезнейшими людьми, такими, добрыми веселыми украинцами из рассказов Гоголя или стихов Шевченко. И никому в голову даже не придет, что они имеют хоть какое-то отношение к этим чудовищным преступлениям. Этого как будто и не было. Люди все это забудут. И не было этих погибших, никогда не жили. Эта девочка и мальчик, у которых впереди была целая жизнь, так и не начали свой путь. Они никогда не вырастут и не сделают то, что должны. И только потому, что кто-то решил пограбить их городок.

Кильчевский молчал.

– Теперь ты понимаешь, почему мы должны были сюда приехать. Если больше некому.

Он кивнул, медленно повернулся и побрел к Шемакову, который шагал со скрещенными на груди руками.

– Что теперь будем делать?

– Надо все зафиксировать на будущее. Сейчас времени нет искать виноватых и карать, но время придет.

Подошел Изенбеков.

– Поезжай до ближайшего поста, там есть телефонная

связь. Сообщи нашим в комендатуру, что здесь произошло, пусть присылают полицию, пару-тройку хотя бы врачей и фотографов. Надо все описать. Да, сообщи, что работы будет очень много, не меньше суток. Пусть солдат еще дадут, мало ли чего.

Тот уехал.

– Я хотел с тобой поговорить, Евгений. Тут слухи ходят, что во главе белых скоро будет стоять барон Врангель. Знаешь его?

Кильчевский помотал головой.

– Некоторые глупцы несут всякую чушь, будто барон – сильный маг. И это он отбил какое-то нападение в ту ночь, когда ты исчез. Глупо ведь, правда, в наш просвещенный век, когда прогресс движется семимильными шагами, верить во всякую чертовщину?

Тот покорно кивнул, будто сам удивлялся, почему ему рассказывают это детские сказки. Шемаков старался не смотреть на старого приятеля.

– Еще говорят, что он маг особой породы, связанный со смертью и потусторонним миром. Господи, что за чушь, совсем, наверное, перекокаинились балаболки! Чего только не придумают!

Кильчевский горячо поддержал. Сказки, азиатчина и мистика! Еще пусть про спиритизм выдумают!

– Барон, говорят, скоро прибудет в Крым. И что он – единственный, кто может защитить белых от демонов и чародеев,

которые окопались в Кремле.

– Морфинисты проклятые, -твердо отчеканил Кильчевский, -не удивительно, что дело белых рушится. Вместо того, чтобы сказки придумывать, отправились бы на фронт, может, принесли бы больше пользы Отечеству.

– Правильно, глупости все, -закрывая тему отозвался Шемаков. А теперь о серьезному поговорим. Ты сам видишь, что дело наше труба. Нам не удержать этот клочок суши у моря. Красные рвутся на Кубань, там, наверное, у белого движения больше шансов. Крым, как и говорил, обречен. Слишком мало сил, думаю, через пару недель и его потеряем. Надо как-то спастись.

– Ты так говоришь, будто давно все подготовил.

– Никогда не можешь быть уверенным в чем-то. Чтобы человек не спланировал, глупость или жадность других всегда могут разрушить его расчеты. Поэтому, разумно иметь несколько планов, и выбирать из них тот, который подходит на данную минуту. Ты уже думал, что будешь делать, когда придут красные?

Кильчевский почесал затылок.

– Не особо пока задумывался. Знаю, что в порту стоит много кораблей для эвакуации. Наверное, уплыву со всеми.

– Без денег и неизвестно куда? Так я и думал. Тогда, ничего не планируй на завтра, предстоит еще одна поездка.

– Ты знаешь, я тебе кое-что хочу сказать. Я когда направлялся в Одессу, то не особо рассчитывал на тебя. Думал, ну,

поможешь мне немного, может, даже деньги дашь или еще что. Но ты со мной возишься, как с самым ценным сокровищем. Почему?

Шемаков долго молчал.

– Есть на то две причины. Во-первых, ты часть моей прошлой жизни, Евгений. Ты напоминаешь, что не всегда все летело в тартарары, как сейчас. Я помню то время и очень скучаю по нему.

– А вторая?

– Ты сам знаешь. Ты противостояшь тем, из Москвы. На таком фронте, о котором догадывается малая кучка с нашей стороны, а противостоят, наверное, единицы. И каждый такой, как ты, важнее для белых, чем целая дивизия. Пусть даже они об этом и не догадываются.

– Ты переоцениваешь мои силы. У меня еле получается защищать себя, убежать. Но не противостоять.

– Все равно, -упрямо гнул Шемаков. Ты отвлекаешь на себя их внимание, тратишь их силы, ресурсы и время. Каждый удар, направленный на тебя, извини уж, дает нам передышку. Я не знаю, что ты там натворил, но ты занимаешь не последнее место в планах верхушки большевиков. Поверь мне, я знаю, там остались люди, которые желают вернуть старые времена. Поэтому, пока я защищаю тебя, ты ослабляешь, так или иначе, их.

Они надолго замолчали и продолжили изучение места резни. Через некоторое время, когда уже начинало темнеть,

приехал Изенбеков и сообщил, что вечером сюда приедет большая группа из города. Следовало их подождать, поэтому, они залезли в машину и перекусили припасенной снедью. Когда было уже темно, показались первые машины. Шемаков вышел и переговорил со старшим, показал основные объекты, которые следовало изучить, где-то расписался и они отправились в обратный путь. Теперь они уже не рисковали одного Кильчевского отпускать по темным небезопасным улицам, а довели до самого дома. Это, конечно, было совсем не нужно, ловушка или засада могла подстеречь Кильчевского не только в его комнате, но даже и в его снах, и он даже удивлялся, почему преследователи еще не использовали этот старый проверенный способ.

Напоследок Шемаков сказал:

– Смотри, в ближайшее время будет жарко. Мы не особо понимаем, но настроения в городе начинают закипать. Если начнутся волнения, постарайся никуда не выходить и держать оружие поблизости. Если станет совсем туго, постарайся как-нибудь добраться до комендатуры, там будет поспокойнее.

Кильчевский кивнул.

– Да, еще раз напоминаю. Ничего не планируй на завтра, мы за тобой заедем и кое-что посмотрим. Да, и не наседай особо на свой саквояж. Все, подурачился и хватит. Теперь тебе особо нужны свежие мозги. До свиданья!

Глава 10

Но утро началось не совсем так, как планировалось. Кильчевского разбудил на рассвете громкий стук в дверь. Он вскочил в тревоге, что красные или их агенты уже в городе и за ним уже пришли. Пистолет тут же прыгнул в руку и был нацелен на дверь.

– Кто там? Что надо?, - как можно более громко окликнул он пришедших.

Оказалось все довольно неожиданным: к нему пришли из штаба армии. По каким делам и для чего он не знал, однако Кильчевского приглашали на беседу. Понятное дело, что сейчас не то положение, чтобы отказывать армии, стоя в одном белье в комнате с оружием. Пришлось подчиниться, одеться и отправиться с ними.

На улице за ночь похолодало еще сильнее. Они сели в простой видавший виды автомобиль и отправились в порт. Там в огромном здании расположился какой-то очередной штаб. У Кильчевского, к огромному его разочарованию, отобрали оружие и обыскали. Они поднялись на третий этаж и вошли в сильно накуренную комнату, где сидели два высокопоставленных офицера удивительно юного возраста.

– Присаживайтесь, Евгений Яковлевич, - предложил один, блондин с тонкими усиками. Позвольте представиться, полковник Вахромеев Игорь Анатольевич. Это мой коллега, -

он указал на второго офицера, -полковник Юлий Оттович Шлемберг. Мы узнали о вашем приезде в Одессу и решили познакомиться.

Кильчевский не понимал, для чего его пригласили, и решил держаться дружелюбного нейтралитета.

– Очень приятно, господа. Чем могу служить?

– Мы слышали, что вы вчера ездили с господином Шемаковым на место бойни. Ужасная, ужасная трагедия! Не может даже представить, какие изверги могли поступить так с мирным населением. Мы так огорчены!

Две пары немигающих глаз пристально смотрели на него, оценивая каждое слово и движение. Кильчевский пока не мог понять, что в них скрыто: темные силы, присланные из Москвы или же ударная доза кокаина.

– Да, там десятки жертв. Страшно. Вы, должно быть, уже читали предварительный отчет Шемакова?

– Да, он написал, проявив отличную наблюдательность и немалый литературный талант.

– Господа, чуть не забыл. Мы с ним должны утром встретаться. Прошу разговор рассчитывать так, чтобы я не опоздал, иначе он очень будет переживать. Но, безусловно, я в полном вашем распоряжении.

– Не беспокойтесь, Евгений Яковлевич, мы уже ему сообщили. Не волнуйтесь.

Врут, сразу подумал Кильчевский. Ничего они не говорили, схватили меня, как лиса цыпленка и поминай, как звали.

– Что вы думаете о нашем положении?, -задал вопрос второй.

– Вы о чем? О положении людей в этой комнате, в городе, наших перспективах на Юге России или общемировой обстановке?

– Я про белое движение.

Кильчевский секунду думал, какую роль избрать: восторженного идиота-патриота или реалиста. Второе опаснее, поскольку могут арестовать, как пораженца и паникера, что было довольно распространенной практикой. А первое не имело особого смысла. Эти двое были, похоже, слишком умны, чтобы разыгрывать перед ними спектакль одного актера. Но почему такие вопросы задают штабисты, а не контрразведка?

– Вы не беспокойтесь, Евгений Яковлевич. Мы все взрослые адекватные люди и не надо напускного оптимизма, -будто услышав его мысли произнес Вахромеев. Можете смело говорить.

Кильчевский решил пока держаться средней линии, чтобы в случае опасности оправдаться, что его не так поняли.

– Про все белое движение не знаю. Слышал, что дела в Сибири плохи, разгорается в тылу у наших красная партизанщина. Более что-то трудно сказать. В Туркестане, кажется, большевики удерживают несколько городов, а вся пустыня во власти местных бандитов. Что делается у нас или на Кавказе, вы и сами знаете.

– Как думаете, сможем отстоять Одессу?

Вопрос прозвучал очень провокационно и опасно.

– Есть все возможности. Если наши союзники, англичане и французы продолжают оказывать помощь, вполне вероятно. Если нет, то наша армия просто погибнет без адекватного снабжения. Хотя, может, я и не прав, и в Одессе огромные склады.

– Союзники, да, -прошипел сквозь зубы Шлемберг. А они окажут, как думаете?

– Это, боюсь, вопрос политический и не моего уровня. Уверен, что высшее руководство ВСЮР все делает для наибольшей пользы.

– Да, да, вы правы, -рассеянно произнес Вахромеев. А все-таки, вы уже какое-то время в городе, могли ознакомиться с общей обстановкой. Как думаете, если брать чисто военный аспект – отстоим или нет?

Они упорно пытались его вывести на определенный ответ, да или нет. Если так, почему бы не облегчить им задачу?

– Честно? Шансов мало. Я вижу тут сотни и тысячи офицеров. Но на глаза попадаются очень мало солдат. Возможно, они где-то в другом месте несут службу, но не может быть армия из одних офицеров. Это невозможно. При всем их мастерстве, красные просто задавят числом.

– Снова правы. Я вам даже больше скажу. Думаете, хотя бы треть их тех, кого вы видели, будут драться с большевиками? Да это тыловые крысы, воры-интенданты, штабисты

и советники разных мастей. Знаете, зачем они нужны? Да, склады забиты оружием, патронами и снаряжением. Но солдаты и офицеры на передовой испытывают недостаток всего! Эти тыловики никому ничего не дают, чтобы обосновать свою службу, чтобы попытаться так или иначе, украсть то, что обязаны хранить!

– Куда же смотрит главный штаб, членами которого вы являетесь?

Тут Кильчевский понял, что совершил промах, фактически обвинив этих людей в некомпетентности, трусости и, может даже, взятках.

– Армия наша, Евгений Яковлевич, разделена на десятки и сотни подразделений, которые не понятно кому подчиняются и какой состав имеют. К тому же, у каждой части есть свой командующий и штаб, который считает любой запрос или указание вторжением в их епархию.

– Кроме того, -решил он увести разговор от него самого, - не думаю, что положение может быть прочным в городе, где население не поддерживает армию.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ну как же, -Кильчевский уселся поудобнее. Вы же сами, наверное, знаете, что в городе довольно много рабочих.

– И что?

– Они и в прошлый раз очень радовались власти красных. А сейчас, как ни пройдуся я вдоль порта и заводов, на меня рабочие такие взгляды бросают, будто сейчас готовы под-

бежать и сунуть ножичек в брюхо. Меня это, конечно, мало касается, но что-то подсказывает, что при подходе красных к городу, возможен бунт внутри Одессы.

Здесь он, конечно, врал и выдумывал на ходу. Но кто мог поймать его? Действительно, пролетарии являли собой базу для совдеповских настроений, а в Одессе, городе с большими морскими и заводскими традициями, это было особенно опасно.

Два полковника переглянулись и словно молча провели какой-то оживленный разговор.

– С этим мы разберемся, не волнуйтесь. У нас там есть и информаторы, и провокаторы. Все под контролем.

– Я уверен, что вы все сделаете в нужном виде. Главное, чтобы они не были двойными агентами, как Азеф и не использовали вас в то время, как вы думаете, что используете их.

– Ну, от этого никто не застрахован, -Вахромеев развел руками. Они могут быть и двойными, и тройными и десятирными агентами. Это постоянный, так сказать, фоновый риск.

– В моей жизни я понял, что гораздо страшнее другое, - глаза Кильчевского слегка затуманились. Когда рука об руку идут глупость и жадность. Когда, например, агент считает себя самым умным и хитрым, получает большое содержание, уверяет, что все в порядке или приносит абсолютно никчемные сведения. Куратор уверен, что с этой стороны у него все контролируемо, а в итоге все оказываются не готовы к ка-

кой-то ситуации. Да, вы, думаю, и сами сталкивались с подобным.

Шлемберг тяжело вздохнул и бросил взгляд на Вахромеева.

– Да, всякое бывало.

– Господа, - решил перейти Кильчевский в атаку, -я был с вами довольно откровенен. Извольте и вы честно ответить на мой вопрос. Почему вы меня пригласили? Поговорить о политике? Есть полно кабаков и ресторанов, где каждый вечер собираются офицеры и у каждого есть свой рецепт спасения Родины.

– Что ж, -откликнулся Шлемберг, -действительно, вы не стали перед нами валять клоуна и сэкономили много времени. За это спасибо. Мы скажем вам. Ситуация в Одессе даже более печальная, чем вы себе можете представить. По ночам в бухтах за городом грузятся лодки и кораблики с имуществом и оружием, и это все эвакуируется в Крым и Новороссийск. Мы стараемся сохранить это в тайне, чтобы не допустить паники. Не думаю, что Одесса продержится больше пары месяцев.

Кильчевский был потрясен. Одно дело, смутно догадываться, что дела не очень хороши, и совсем другое, когда два высокопоставленных штабиста признаются, что командование давно махнуло рукой на Одессу и скрытно производит эвакуацию. Он-то думал, что времени гораздо больше! Значит, и ему требуется продумать свое спасение.

– Мы вас пригласили не просто, чтобы поговорить, вы правы. Мы действуем по просьбе одного лица.

Ну, вот и приплыли. Среди высокопоставленных чинов белых у него нет знакомых, похлопотать за него некому. Значит, красные руками этих двоих попытаются схватить его и отправить туда, где лучше не оказываться.

– Это доверенное лицо барона Врангеля. Подполковник Алексешенко. Феликс Дмитриевич.

Вот так новость! Им интересуются белые, удивительно.

– Феликс Дмитриевич поручил нам познакомиться с вами, побеседовать и организовать вашу эвакуацию в Крым. Он сейчас находится в Севастополе.

– Простите, у меня нет намерений отправляться в Крым. С чего бы? Мне нравится Одесса, а то захоlustье зачем?

– Евгений Яковлевич, вы, должно быть, не расслышали нас. Одесса скоро падет. Союзники оказывают помощь, это правда. Но на таких условиях... В общем, похоже, мы стали уже наемной армией французов против Советской власти, которую, между нами, очень поддерживают англичане. Как вы уже поняли, вчерашние союзники, с огромным усилием и с помощью САСШ свалив Германию, тут же начали тайно выяснять, кто же теперь главная сила в Европе. Французы наши хозяева. И сейчас эти хозяева не очень заинтересованы в удержании Одессы.

– А Крыма, значит, заинтересованы?

– И Крыма нет. Им нужна вся страна в подчиненном со-

стоянии, в качестве колонии. Ну, в крайнем случае, Украина и Юг России, если не получится. Сейчас Франция, как вы знаете, по сути, является хозяйкой Европы и претендует на власть над всем миром. Англия понесла слишком большие потери и сейчас занимается своими внутренними делами, Германия повержена и никогда не оправится. Американцы точно не хотят заниматься другими континентами, и сосредоточены на своем развитии и ближайших стран. Кто еще? Япония, Италия? Не смешите меня. Остается Франция, на пути которой встали большевики. Но сама Франция потеряла слишком много людей в Великой войне, они не отправят солдат сражаться с красными в степях Новороссии или псковских лесах.

– Есть еще их верная шавка, Польша.

– Вы правы. Польша вернейший и надежнейший союзник Франции, хотя, казалось бы, еще год назад этой страны и не существовало. Как быстро меняется ситуация, не правда ли Евгений Яковлевич?

Тот промолчал.

– Но силами европейских стран не получится взять Россию, и французы с англичанами это прекрасно понимают. Им нужно на кого-то здесь внутри опереться, вот они и помогают нам. Чтобы после окончания войны, а она рано или поздно закончится, мы платили по долгам царского правительства и за текущую помощь.

– Так зачем наше руководство помогает этим проходим-

цам? Мы что, воюем за то, чтобы русский народ, который и так настрадался за последние пять лет, ближайšie двадцать еще пахал на француза? Все Наполеона нам простить не могут?

– Наше руководство думает, что они сами используют союзников, чтобы вернуть Отечество, а потом каким-то способом надуть их.

– Ну, тогда большевики правы. Мы, белое движение, сражаемся не за Россию, а за каких-то толстосумов и капиталистов, которые будут пить кровь из нас.

– Вы неверное ставите акценты, Евгений Яковлевич, - чуть поморщился Вахромеев. В общем, это пустые разговоры. Феликс Дмитриевич просит вас не задерживаться и прибыть к нему в Крым как можно скорее.

– Я намерен дать отрицательный ответ. Извините, господа, но я как-то не привык, чтобы какой-то человек, о существовании которого я не знал еще полчаса назад, распоряжался моей жизнью.

– Так, попробуем по-хорошему. Евгений Яковлевич, после падения Одессы куда вы отправитесь? Здесь у вас есть Шемаков и как-то помогает.

– Отправлюсь в Новороссийск или еще куда-то.

– За что будете жить? Вы не военный, жалования вам не положено. Высокопоставленных знакомых с властью в том сумасшествии, которое предстоит, вам не найти. Думаете добыть деньги за оставшиеся недели здесь, в Одессе? Ну, по-

попытайтесь, удачи.

Кильчевский молчал. Водоворот последних дней совсем его закружил, и у него совсем не было времени, чтобы обдумать свое ближайшее будущее.

– А там, -продолжал Шлемберг, -у вас будет полное довольствие и доверие начальства.

– Ну, допустим. Но зачем я ему? Мы с ним не знакомы, может, он ошибся? Я не военный, не разведчик, связей с союзниками у меня нет.

Он чуть не сказал, что связей с большевиками тоже нет, но вовремя замолчал.

– А этого мы не знаем. Феликс Дмитриевич никого не поощряет в свои планы, думаю, он сам вам расскажет. А то, что он не ошибся, это точно. У нас есть ваша фотокарточка.

Он протянул Кильчевскому потертую карточку. К своему величайшему изумлению, он увидел свое лицо, в шляпе и новеньком костюме, судя по всему, еще довоенного пошива.

– Господа, -растерянно он произнес. Будь я проклят. На карточке я, действительно. Но совсем не могу вспомнить, где и при каких обстоятельствах она была сделана.

Он беспомощно посмотрел на них. Те безразлично пожалли плечами. В их синхронности и слаженности уже начинало что-то пугать.

– Нет, спасибо. Не могу сказать, откуда эта фотография и чем я могу быть полезен соратнику барона Врангеля. Я бу-

ду следовать своим планам.

Шлемберг вдруг придвинулся очень близко к нему и посмотрел прямо в глаза.

– Вы знаете, Феликс Дмитриевич очень влиятельный человек. Никто не может отказать ему, когда он приглашает. К тому же, нам сообщили, что у вас какие-то неприятности с Москвой. Как думаете, долго вы сможете прятаться в своей коморке Раскольниковова?

Знакомое чувство внезапной стужи внутри и падающего в пропасть сердца. Они все знают...

– Что? Какие неприятности?

Голос Кильчевского исчез, и вопрос был задан свистящим шепотом.

– Мы не знаем, и не хотим знать. У вас проблема с большевиками, нам сообщили только это. А Феликс Дмитриевич может вас защитить. И вообще, знаете, Евгений Яковлевич, - Вахромеев сладострастно прикрыл глаза, -если бы меня пригласил он к себе, я бы уже бежал на аэродром и под угрозой оружия заставил бы летчика лететь в Крым. А вы тут жопу свою ворочаете. Говорю же, он очень могущественный человек и может сделать то, что и не снилось.

Кильчевскому ничего не оставалось, кроме как чуть заметно кивнуть.

Морок сразу исчез.

– Вот и хорошо, Евгений Яковлевич. Когда наступит время отправляться, мы сами с вами свяжемся. Пожалуйста,

не уезжайте из города, не стоит расстраивать Феликса Дмитриевича. Несколько дней у вас, думаю, еще есть, -он посмотрел на Шлемберга, тот согласно кивнул. Можете пока погулять, попрощаться с Одессой. Вряд ли вы когда-нибудь ее еще увидите.

Вахромеев весело улыбнулся.

– А теперь, отправляйтесь к своему другу в комендатуру. Он уже вас заждался.

Когда Кильчевский уже выходил из кабинета, его окликнул Шлемберг.

– Кстати, та резня, которую вы имели честь видеть. Ее не будут расследовать. Отчет Шемакова был уничтожен, а дальнейшие действия запретили.

Он медленно повернулся.

– Почему?

– То, что вы видели – еще цветочки, Евгений Яковлевич, по сравнению с тем, что делает наше свихнувшееся офицерье. Скажите спасибо, что вы не видели подземелья военной контрразведки здесь, в Одессе. Вы бы на такие мелочи, как вырезанное еврейской местечко и несколько десятков убитых жидов, даже не обратили бы внимание.

Глава 11

Встреча в комендатуре в тот день все-таки состоялась. Шемаков был изрядно на взводе, он был в курсе, куда приглашали Кильчевского и просто отмахнулся от этого необычного визита.

– Что случилось? Где Изенбеков?

Шемаков бросил уничтожающий взгляд и уже резко хотел ответить, но сдержался.

– Он... на задании.

– Я тебя нигде не подвел? Я же не мог знать, что пригласят военные. Может, ты что-то планировал.

– Да нет, ничего, вроде, не сорвалось. Даже хорошо, что ты не пришел вовремя. Все, что мы задумывали, перенеслось на завтра.

– То есть, завтра мне с утра надо прибыть сюда?, -осторожно осведомился Кильчевский.

– Да, завтра начнем одну операцию. Полиции же нет, она только поборами и взятками занимается, -он зло плюнул на пол.

– А что за операция? Можешь мне сообщить? Просто, к чему готовиться.

– Ну что же, уже пошло само собой и от меня ничего не зависит. Вряд ли от этого будет какой-то вред. У нас есть информация, что в одном из судоремонтных заводов создан

рабочий комитет для организации бунта в городе. Красные разными путями им доставляли оружие, петлюровцы твои любимые тоже какой-то интерес имеют. Надо было сегодня утром устроить облаву, арестовать лидеров и конфисковать оружие и кассу. Но, не получилось сегодня. Завтра, смотри, рано утром, до рассвета был здесь.

– Мне оружие дадут или патроны? Мои уже заканчиваются.

– Не волнуйся, дадут. Уж чего-чего, а оружия у нас полно. Людей не хватает, все начальники, а руками никто работать не хочет. Все, ступай, у меня много работы.

Придя домой, Кильчевский не мог найти себе места. Он встал с кровати, прошелся по комнатушке, сел, снова прошелся. Решил покурить опиум, но вспомнил, что ему скоро предстоит, и убрал обратно свой драгоценный саквояж.

Ему очень сильно не нравилось, что в последнее время он стал какой-то безвольной игрушкой в руках непонятных сил. Если с Москвой все было более-менее понятно, хотя не совсем, например, почему они так стараются вернуть его обратно? Какую он составляет ценность? Ведь гораздо проще послать пару агентов и ликвидировать его. Но нет, они направляют сначала одного, потом тратят невероятные ресурсы на виртуальную ловушку. Непонятно.

Потом, Шемаков и его какая-то бесконечная помощь и забота. Они неплохо ладили и работали в прошлом, но сейчас от него особой пользы для комендатуры нет. Но его, поче-

му-то, оберегают и везде таскают с собой. Он и сам не понял, но теперь всем его временем распоряжается Шемаков и полностью руководит его действиями. Это было не очень хорошо.

Затем, это военные и непонятный господин в Крыму. Даже если он знает про причину, которая вынудила его бежать из Москвы, все равно ничего не понятно. Мало ли людей преследуют большевики? Почему именно он так заинтересовал этого таинственного господина? Почему эти двое настойчиво ему рекомендовали, а фактически приказали, не суетиться, а по первому указанию отправиться в Крым.

Чувство, что им играют в темную, постоянно усиливалось. Какие-то силы, которые он пока не мог четко определить, двигали им, как пешкой на шахматной доске. Пешкой, которая была в силу своей природы слаба, но внезапно оказалась в очень важной позиции и которой стремились все завладеть. Вероятно, он делал что-то такое, что-то правильное для себя, что не позволяло пока никому просто смахнуть его с доски.

В общем, пока ничего не ясно, и следует отдаться течению реки и посмотреть, куда оно выведет. Пока надо держаться Шемакова, за ним, кажется, есть немалая сила, а при первом удобном случае отправиться в Крым. Посмотреть, какая там ситуация и кто тот человек, который активно им интересуется.

Успокоивши себя примерным планом на ближайшее вре-

мя, он разделся и решил поспать. Но как только он заснул, дверь сотряс оглушительный удар, от которой она чуть не слетела с петель. Кильчевский молнией метнулся к столу, где лежал его пистолет и про себя мельком подумал, что это становится нехорошей традицией, что его будят подобным образом.

Снаружи послышался голос Изенбекова, который просил открыть. Кильчевский так и сделал, но пистолет не опустил.

– Аккуратнее можно? У нас тут не казарма, -недовольно он произнес, пропуская гостя в комнату.

У того был весьма странный вид – матросская тельняшка, какой-то жупан, сбитые сапоги, а главное, несколько неглубоких царапин на лице, которые, однако, сильно кровоточили.

– Собирайся, нас ждут уже, -ответил Изенбеков, не обращая внимание на недовольство хозяина. У тебя пять минут. Машина внизу.

– Что случилось опять? Красные?

– Да нет, -он уселся на стул и стал ощупывать свои раны. Рабочий люд опять все сделал через одно место, не послушал своих лидеров и решил выступить сегодня. Началась драка, в которой меня и задело немного. Быстрее давай!

– Мы что, туда едем? Подавлять бунт? Шемаков в курсе?

– Он там давно. Людей очень мало у нас, поэтому, собираю всех, кого смогу.

В машине сидели еще трое, которых Кильчевский не знал.

Автомобиль помчался по заснеженным улицам Одессы в отдаленный район, где располагались заводы. По пути Изенбеков вводил в курс дела:

– Расклад такой. Там сотни две людей, пытаются выработать конкретный план действий. Они пока между собой ругаются и обвиняют друг друга в контрреволюции, но скоро договорятся. Будут раздавать всем рабочим и городским бездельникам оружие и арестовывать офицеров. Наши провокаторы пытаются пока забюрократить и затормозить процесс, чтобы дать нам больше времени на сборы, но вряд ли это даст большой выигрыш. С другой стороны, -он пожал плечами, -может и хорошо, что они начали так рано. Если бы чуть позже – красные могли их поддержать ударом извне. А так, дивизии далеко и бунтовщикам никто не поможет.

– У нас сколько людей, -спросил один из незнакомцев.

– Когда я уезжал, было около дюжины.

Сидящим в автомобиле показалось, что они ослышались.

– Дюжина? Против двух сотен? У которых полно оружия?

– Да, примерно так. Но тут ситуация не так плоха, как кажется. Мы отправили доклад нашему руководству и военным, они смогут прислать скоро подкрепления. А оружие у рабочих не под рукой, а спрятано где-то рядом, но в другом месте. В каком, мы пока не знаем.

– То есть, нас будет порядка полторы дюжины, с оружием, против безоружных крикунов? Я так понимаю?

– Ну, у некоторых из них, без сомнения, есть револьверы.

Но учтите, это лидеры ячеек, они управленцы. Могут командовать, заседать или совещаться. Не предполагалось, что эти люди лично будут стоять на баррикадах.

– У нас какое оружие?

– Есть несколько трехлинеек и один пулемет. Гранаты. Патронов много.

Они остановились в одном из переулков и дальше по зловещим заводским территориям пошли пешком, соблюдая максимальную тишину.

Их негромко окликнули из темноты, и показался человек, который махнул рукой. Все отправились в ту сторону и достигли одной будки, где уже с кем-то по телефону ругался Шемаков. На него было тяжело смотреть: бледный, с воспаленными глазами и срывающимся голосом, и Кильчевский подумал, когда тот в последний раз спал.

Закончив разговор, Шемаков закурил и задумался. Потом кивнул головой и повел за собой прибывших.

– Ситуация такая, -негромко по пути рассказывал Шемаков. Они почти все в одном цеху, принимают декларацию к действию. В городе, насколько я могу судить, еще не знаю, что выступление перенесено и основная часть рабочих спокойно отдыхает или пьет. У меня план такой: разбираете винтовки и становитесь у выходов. Изенбеков, -он оглянулся на своего сотрудника, -на тебя особая задача. Берешь пулемет и держишь главные ворота, они после первых взрывов побегут туда. Каждый берете несколько гранат, пока

они внутри, мы должны их сильнее покрошить, потом будет сложнее. Стреляйте всех, кого не знаете в лицо. Нам для допросов они не нужны, и так знаем каждого и их настроения.

– А как же твои провокаторы? Ты дал им возможность спастись?, - недоумевал Кильчевский.

Шемаков медленно обернулся на него.

– Ты знаешь, Евгений. Мне никогда не нравились предатели, даже если они работали на меня. Если они так просто предали своих товарищей, с которыми работали многие годы и раскачивали царизм, то меня они продадут за рубль. Мне кажется, такие люди даже больше заслуживают смерти.

Все разошлись по своим местам, оставив Кильчевского одного у окна наедине со своими мыслями. Поступок Шемакова неожиданно сильно огорчил его и посеял подозрительность. Если человек, который априори должен заботиться о своих людях в стане врага, с такой легкостью пускает их в расход, то какие гарантии есть у него самого? От Кильчевского же пользы практически нет.

Но обдумать все следовало позже. Шемаков бросил одну гранату в самую гущу спорщиков. Произошел взрыв, и люди в панике начали носиться по всему цеху, не понимая, что произошло. Похоже, они сперва подумали, что взорвалась бомба, принесенная кем-то из них. Из окон и двери тут же посыпались еще гранаты. Бомбы, взорвавшиеся в закрытом пространстве производили ужасающий эффект. Уже дюжина лежала на полу, стены были забрызганы ошметками моз-

гов, валялись оторванные конечности и головы. Немногочисленным атакующим так же помогало то, что свет в цеху не давал укрыться людям, а сами же были практически незаметны на фоне ночного зимнего неба.

Наконец, бунтовщики сообразили, что происходит и открыли ответный огонь по окнам. Сразу двое атакующих были ранены или убиты. Собравшиеся в цеху на удивление метко стреляли из револьверов, и Кильчевскому оставалось только укрываться за стеной и в редких случаях посылать пулю внутрь помещения. Стрекотали выстрелы, в цеху стоял хаос из убитых, раненых и обезумевших людей, однако, панике поддались далеко не все. Непонятно по какой причине, они до сих пор не ринулись через главный вход, где терпеливо ожидал Изенбеков с пулеметом, а ловко отстреливали стрелков в окнах.

Кильчевский бросил взгляд внутрь, прицелился в, как ему показалось, в одного из лидеров и срезал его. Внутри кто-то догадался наконец отключить свет, чтобы нападающим было сложнее попасть. Когда Кильчевский еще раз бросил взгляд в окно, что-то мимолетно и нежно коснулось его головы и исчезло. Птица, что ли, подумал он, и вдруг почувствовал, что его заливают кровью. Нахлынула ужасающая боль, и он недоумевающе сел на землю, отбросил винтовку и прижал руки к голове. Они тотчас оказались полностью в крови. Однако, никакой слабости он не ощутил, и решил, что ранение легкое и не мешает отстреливать подонков. Достав маузер, он стал

беспорядочно стрелять в темноту цеха, на малейший звук или вспышку выстрела.

Наконец, из цеха последовала вылазка в сторону главного выхода. Несколько обезумевших людей побежало прямо на пулемет, и Изенбеков аккуратно и экономно одной очередью срезал их. Кильчевский так и не понял, эта атака была самопроизвольной, или же сохранившие способность думать руководители просто посылали наименее ценных проверить, возможен ли этот путь. Кровь постепенно заливала лицо Кильчевского, и когда он уже ничего не видел, то прекратил стрелять, присел и отполз в темный уголок, пытаясь по прежнему оглядывать весь переулок и готовясь застрелить любого, кто будет пытаться покинуть цех.

Выстрелы звучали все реже, и, наконец, прекратились совсем. Где-то далеко позади послышался шум многих автомобилей. Наверное, это подоспело обещанное подкрепление, которое прибыли слишком поздно, однако это точно не помешает командованию приписать себе решающую роль в разгроме бунтовщиков.

Несколько минут, пока военные пытались сориентироваться в незнакомом лабиринте зданий и найти место боя, Кильчевский сидел у стены и пытался остановить кровь. Наконец, он увидел трех людей, который, казалось, что-то искали. Он поднял пистолет и приготовился уже стрелять. Люди, шли быстро и тихо, будто не хотели привлекать к себе внимание. Когда до группы было не больше двадцати шагов,

он выстрелил, но промахнулся. Все бросились врассыпную и слышались ругательства. Один голос казался знакомым. Шемаков.

– Сукин ты сын, Кильческий! Убить нас решил под шумок?! Ладно, прощая я тебе твой долг, не надо так близко принимать к сердцу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.